

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

6+

10/2020

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

10/2020

Учредители журнала:	СОДЕРЖАНИЕ	
АО «Молодая гвардия» и коллектив редакции	Екатерина Шевичева. «Поиск работы — это тоже работа!»	1
	Евгения Зуева. Нитки... Петельки... Узоры... Жизнь	13
Главный редактор Ю.И. Кочетков	ПРОБА ПЕРА Наталья Жарова. Стихи Иван Прокопенко. Стихи Владислав Великодченко. Мой любимый 2 «А»	22 23 23
Редакционная коллегия:	НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ Маргарита Мельникова. Стихи Сергей Есенин. Стихи	25 27
С.В. Винокурова	АЗ, БУКИ, ВЕДИ Наталия Волкова. Стихи	43
В.З. Денискина	Редьярд Киплинг. Как было написано первое письмо	47
И.Н. Зарубина	Нина Дашевская. Наушники	59
О.В. Клековкина	Андрей Гостев. Паралимпийская экспедиция — 2020	70
Ю.И. Котов	УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ Лариса Шевцова. Урок 38. Вереск	81
В.В. Кулешов	ПРАКТИКУМ ЭСПЕРАНТИСТА Сергей Есенин. Стихи	87
Т.М. Морева		
И.И. Семёнова		
А.П. Торопцев		
З.А. Шишкова		

«ПОИСК РАБОТЫ — ЭТО ТОЖЕ РАБОТА!»

Можно долго рассуждать о том, что трудоустройство незрячих на открытом рынке труда — утопическая идея, которую очень сложно реализовать. Но сегодня современная незрячая молодёжь получила прекрасный шанс не только найти работу своей мечты, но и сделать карьеру. Вы спросите, как такое вообще возможно, ведь много молодых специалистов в наши дни сидят без работы? Возможно, и об этом расскажет Оксана Чучункова — один из ведущих специалистов по трудоустройству инвалидов РООИ «Перспектива».

Региональная общественная организация «Перспектива» создана в 1997 году. Это одна из немногих российских организаций, отстаивающих права инвалидов с различными нозологиями. Миссия организации — улучшение качества жизни людей с инвалидностью и включение их во все сферы жизни общества. Одним из направлений деятельности «Перспективы» является трудоустройство инвалидов на открытом рынке труда. Надо отметить, что, несмотря на все сложности трудоустройства незрячих и скепсис по этому поводу со стороны самих инвалидов по зрению, за 2019 год с помощью своих молодёжных программ РООИ удалось трудоустроить 11 человек с нарушением зрения. Среди этих счастливиц трое — тотально незрячие.

— Я уже несколько лет слежу за тем, куда поступают выпускники школ-интернатов, — рассказывает Оксана. —

Люди поступают не только в специализированные вузы, это радует. Поступают в очень дружественный для нас Российский государственный социальный университет (РГСУ), в Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), на лингвистические факультеты различных вузов, в Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ), в Российскую академию народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), в Московский государственный университет (МГУ), в Курский музыкальный колледж и в Гнесинку тоже. Конечно, по-прежнему выпускники школ-интернатов учатся на массажистов — это прежде всего училище в Кисловодске, московский медицинский колледж № 6. Хотя в московском колледже образование значительно слабее. Причём незрячих там особо не жалуют. Те старшеклассники, кто планирует учиться дальше, выбирают в основном интеллектуальные профессии. Это филология, иностранные языки, журналистика, юриспруденция. В МГППУ изучают информационные технологии.

— *А какие профессии на современном рынке труда доступны для незрячих?*

— Конечно же, по-прежнему незрячие могут работать массажистами, это всё-таки самая популярная среди нас профессия. Музыканты, переводчики, юристы, преподаватели. Что касается современных информационных технологий, то профессий, доступных для незрячих, стало меньше. Очень много графики, поэтому даже работа копирайтером или контент-менеджером и т.д. сегодня для незрячих не всегда возможна.

— *А много ли учителей вам удалось трудоустроить?*

— К сожалению, нет. Руководство нашей компании приняло решение работать с бизнесом, то есть трудоустра-

ивать на крутые позиции. Преподавателей мы трудоустроивали, незрячих тоже, но в другие сферы. Был у нас незрячий историк, который водил экскурсии в музей Царицыно. Но здесь, конечно, нужны соответствующее образование и соответствующие навыки. Также нельзя забывать про наши «Диалоги в темноте», «Прогулки в темноте». Но их возможности тоже ограничены, просто нет столько вакантных мест. Мы работаем на открытом рынке труда. Видимо, учителей выпускается больше, чем существует спрос. Конечно, гид в музее — это скорее исключение, это не массовая профессия, но у нас большинство профессий для незрячих — не массовые.

Мы сейчас говорим о незрячих, подразумевая выпускников школ, молодёжь. Но ведь сколько людей поздноослепших, и они тоже хотят что-то делать, где-то работать. И у них образование такое, что мы понимаем: они не смогут найти работу по прежней специальности. Для успешного трудоустройства таким людям нужно много чего осваивать, начиная с ориентировки и заканчивая современными компьютерными технологиями.

Что касается профориентации в школах, то сегодня её нет даже в массовых школах. Вот, например, мой сын недавно закончил обычную школу. В старших классах они прошли лишь один профориентационный тест, который выявил, что он, якобы, может работать в сфере «Человек — человек». И всё. Неплохо бы в наших специальных школах начинать профориентацию в 8 — 9 классах. Мы давно над этой проблемой думаем. Делает ли что-то ВОС в этом направлении? Не знаю.

— *Если помечтать, что когда-нибудь в специализированной школе для слепых и слабовидящих будет проводиться методически грамотно построенная*

работа по профориентации, она поможет решить проблему трудоустройства незрячих?

— Думаю, что в какой-то степени да.

— *Но ведь для незрячих профориентационная работа должна включать не только рассказ о профессии, но и формировать какие-то важные навыки — например, навыки коммуникации, так называемые soft-skilles. Ведь переучивать очень сложно. Мы часто видим незрячих скованных, у которых мимики практически на лице нет. Получается, что эту проблему надо решать уже с первого класса?*

— Вы правильно говорите, всё должно начинаться со школы. У нас в школе этого почти не было. Я многому научилась, когда на один год попала в США в рамках интернациональной программы. Эта программа работала несколько лет и была спонсирована японским фондом. Раз в неделю у нас были интенсивные занятия по ориентации и мобильности, хотя этого, конечно, было мало. В мой заезд в программе было 34 человека из 19 стран. Так получилось, что ребята были в основном тотально незрячие. Но вы знаете, нас там не жалели. Мы сами себя обслуживали, сами перемещались по территории школы.

— *Какие основные сложности существуют при трудоустройстве незрячих на открытом рынке труда?*

— Со стороны соискателя: при хороших исходных данных, хорошей квалификации — это недоступность программного обеспечения.

Немобильность. Человек не готов каждый день куда-то ездить самостоятельно, без сопровождения.

Недостаточная мотивация.

Иждивенческие настроения. Человек иногда заявляет: «А может, вы мне просто деньги будете платить?»

Несовпадение спроса и предложения. Например, работодателю нужен определённый специалист, а среди незрячих такого просто нет.

И, конечно, для незрячего важен внешний вид. Многие об этом даже не задумываются. А между тем вузы-то все заканчивают, все ищут работу. На открытом рынке труда просто гигантская конкуренция. Как мне рассказал один HR-менеджер*, я тогда трудоустроивала юриста в компанию «Ямаха» и отправила им девушку-соискателя, за одну ночь к ним пришло 200 резюме. То есть даже среди зрячих людей конкуренция сумасшедшая.

Главная трудность со стороны работодателя — это, давайте будем честны, всё-таки не готовность воспринимать незрячих людей в качестве сотрудников. Порой мне это очень горько осознавать, но мы в представлении многих работодателей стоим где-то на одной ступени с людьми с нарушением интеллектуального развития. Конечно, прямо в глаза это не говорят, но люди боятся. Они с удовольствием проводят тренинги, обсуждают ролики, об этом говорят. Но принять в коллектив инвалида по зрению они не готовы. Мы ещё долго будем с этим бороться. По-моему, даже в вузах с восприятием незрячих дела проще обстоят. Там молодёжь, она более гибкая. А здесь KPI (ключевые показатели эффективности), то есть производственные показатели: кто будет за незрячего работать и так далее. Такие опасения, к сожалению, присутствуют. На мой взгляд, это самая большая проблема со стороны работодателя. Понятно, конечно,

**HR-менеджер* — эйчар-менеджер работает непосредственно с персоналом, осуществляет подбор, адаптацию, оценку, продвижение, обучение сотрудников.

что многие офисные профессии нам не подходят априори. Но сейчас возможность удалённой работы даётся многим сотрудникам. Почему бы не дать незрячему возможность работать удалённо? Если в этом смысле работодатели будут более гибкими, это может привести к какому-то позитивному результату.

— *Если убрать составляющую зрячести-незрячести, какими качествами должен обладать человек, чтобы его приняли на работу, что он должен для этого сделать?*

— Сначала должен написать хорошее резюме. Затем пройти хорошо собеседование, и не одно.

Достойно сдать тесты. Их бывает несколько, в зависимости от выбранной позиции. Например, тест на владение какими-либо офисными компьютерными программами или тест на знание иностранного языка.

И наконец, кандидат на вакансию должен подходить под корпоративную культуру. Сотрудник отдела по подбору персонала уже по определённым признакам, критериям понимает, подходит соискатель под корпоративную культуру компании или нет.

Конечно, для незрячих всё это усугубляется. Но тем не менее требования к соискателю на вакансию одинаковы для всех.

— *В РООИ «Перспектива» организована онлайн-программа «Неограниченные возможности». Она подразумевает работу с незрячими соискателями? Ведь людям с нарушениями зрения тоже нужно уметь составлять резюме. Проходить собеседование, понимать, как вести себя с работодателем. Этому вообще инвалидов по зрению у вас учат?*

— Этому учат всех, в том числе и незрячих. Программа «Неограниченные возможности» — это временный

проект. В основном он посвящён профориентации и работе с людьми с рассеянным склерозом. Но вебинары может посещать абсолютно любой человек, независимо от формы инвалидности. Есть возможность лишний раз проработать тему с живым экспертом. У большинства наших специалистов очень высокий уровень подготовки, потому что очень большой опыт практической работы.

Это курс из 10 вебинаров, многие вебинары предполагают домашнее задание. Конечно, человек сам решает, выполнять их или нет. Но с нашими специалистами всегда можно связаться и отправить свою домашнюю работу, чтобы получить консультацию

Но у нас есть и вариант получше. — программы по трудоустройству. Одна из таких программ — это наш знаменитый, любимый, известный «Путь к карьере», который в Москве проходит с февраля по апрель. Программа предназначена для студентов и молодых специалистов с инвалидностью вообще, но незрячим никто не воспрещает принимать в ней участие. Программа также проходит в регионах, где представлена РООИ «Перспектива» — это Санкт-Петербург, Воронеж, Казань, Новосибирск, Нижний Новгород. И у нас там недобор!

— *Что нужно для участия в программе «Путь к карьере»?*

— Человек должен иметь высшее образование или заканчивать вуз. Это важно. Возраст — до 35 лет, но в некоторых случаях мы можем возрастную планку подвинуть. И, конечно, человек должен понимать, что он на самом деле хочет.

Из 60 заявок мы отбираем около 30, в этом году отобрали 25. Когда участники отобраны для тренингов, они

в течение 2 месяцев дважды в неделю, как на работу, по вечерам ездят на эти тренинги. Тренинги не наши! Занятия проводят бизнес-компании. Такие тренинги от бизнеса среди людей с инвалидностью очень популярны. Чему учат на этих тренингах? Это написание резюме, практика интервью в реальной ситуации собеседования. Это обязательно теоретическая часть (ситуация на рынке труда), деловая переписка на конкретных кейсах и с домашним заданием. Наставник проверяет домашнюю работу, потом участники делают какие-то задания на занятиях. Также проводят тренинг «Деловой этикет», «Работа в команде», тренинг MBTI (выявление различных предпочтений людей в области восприятия, переработки и выражения информации) и много ещё чего.

Есть ещё защита цели. Если ты не сможешь защитить свою цель — зачем ты пришёл в программу — ты отчисляешься.

Но самый важный момент, это новшество у нас пару лет, — к каждому участнику прикрепляется ментор из бизнеса. Это говорит о том, что бизнес хочет работать с людьми с инвалидностью. Финальную презентацию на 3 — 5 минут участник программы готовит не с нами, он готовит её со своим ментором, с представителями бизнеса. Это важно, потому что бизнес знает, какие люди ему нужны и как человеку себя правильно «продать».

— *Среди участников этой программы были незрячие?*

— Да. В этом году у нас участвует незрячий. Я с вашего позволения не буду называть его имя, а расскажу о прошлом конкурсе, в котором участвовал незрячий экономист Артур Зайнуллин, закончивший Российскую экономическую школу. Когда я его увидела в финале, на

презентации, я сказала, что этот парень выиграет. Так оно и получилось. Артур обладает бешеной харизмой. Все знали, что он незрячий. Но он так построил свою презентацию, что зал просто взрывался аплодисментами. Презентация должна удивить. И Артур удивил тем, что несколько слайдов своей презентации он говорил на английском. До него этого не делал никто. То есть наш конкурсант показал на практике знания иностранного языка. И ему прямо после финала предложили работу риск-менеджером в компании «Альфа-банк». Я у него спрашивала, были ли проблемы с программным обеспечением, так как скрин-ридеры не разрешает ставить служба безопасности. С этим проблем не возникло, но появились сложности со службой пожарной безопасности. Это реальная проблема, так как эта служба приравнивает незрячих к колясочникам и считает, что у незрячих будут проблемы с эвакуацией. В общем, Артур перешёл на работу в другую компанию, а затем уехал на работу в Нидерланды, где сейчас и проживает.

Ещё одна наша незрячая конкурсантка — это Алина Кудрявцева, владеющая английским и греческим языками. У неё история другая. Она не была трудоустроена после конкурса. Надо сказать, что информация обо всех наших конкурсантах публикуется в специальной брошюре. И вот однажды её увидел в брошюре специалист по подбору кадров компании «Майкрософт». Алину пригласили на удалённую работу. Сегодня она сотрудничает с «Майкрософт», выезжает с ними на конференции, и все счастливы.

— *Существуют ещё какие-нибудь молодёжные программы, в которых могли бы принимать участие незрячие?*

— Да, конечно! Например, очень хотелось бы рассказать о программе «Карьерные перспективы». Она также проводится в Москве и регионах присутствия РООИ «Перспектива». В программе принимают участие люди с инвалидностью не обязательно с высшим образованием, это те, кто хотел бы изменить что-то в своей карьере, или кто вообще никогда не работал, или те, кто хочет устроиться на работу и знает, где он хочет работать, или те, кто хочет открыть своё дело. То есть здесь спектр несколько шире. В рамках этой программы тоже предполагаются работа с ментором, встречи с наставником в Москве или удалённо. После прохождения программы «Карьерные перспективы» участники попадают к нам «на карандаш», плюс их видит бизнес, не так, конечно, акцентированно, как в программе «Путь к карьере». Но так или иначе, есть хороший шанс пройти стажировку и трудоустроиться, так как участники программы уже прокачали свои навыки. Также в программу входят тренинги по написанию резюме, прохождению собеседования и ряд других.

Ещё одна программа — «Попробуй профессию в деле».

Программа инициирована в Москве компанией «Майкрософт» и проводится в столице. Но в ней могут участвовать представители из регионов и даже из стран СНГ, так как участвовать можно в удалённом режиме. В прошлом году к «Майкрософт» присоединилась компания «Юнилевер». И мы хотим, чтобы к этой программе присоединялось как можно больше новых компаний.

Программа подразумевает участие людей с любой формой инвалидности. В чём суть программы: компании отбирают для себя участников и работают с ними в тече-

ние двух — двух с половиной месяцев в качестве менторов по профессиональным кейсам. Чаще всего у нас кейсы по таким специальностям, как программирование, маркетинг, финансы, юриспруденция, HR. Вместе с наставником ребята работают над кейсом. Они делают свой проект, наставники проверяют. В конце программы участники презентуют результаты своего труда. В прошлом году в программе участвовал школьник Всеволод Попов. В настоящее время он учится в Московском городском психолого-педагогическом университете на факультете информационных технологий. Он делал кейс, связанный с программированием, и потом в отзывах написал, что работа в проекте помогла ему сориентироваться в выборе профессии. А это ещё раз подтверждает тот факт, что незрячие могут принимать участие в этом проекте, и это действительно будет хорошим подспорьем как при обучении, так и при поиске работы.

— *РООИ «Перспектива» сотрудничает со многими организациями, занимающимися трудоустройством инвалидов по зрению. Какой опыт существует за рубежом в этом направлении?*

— Мне бы хотелось рассказать об одной американской организации в Сан-Франциско, которая называется «Маяк». Я ездила вместе с коллегой в 2017 году к ним в рамках одного из проектов. Меня очень поразило вообще, как там всё устроено. Это некая смесь досугового, реабилитационного и учебного центров. У них два этажа. На каждом разные кабинеты, где проводятся разные мастер-классы: кулинарные, какие-нибудь ремесленные или по рукоделию. И в то же время там есть занятия по поиску работы. В центре есть небольшой отдел, непосредственно занимающийся этим вопросом. Как расска-

зывала менеджер этого отдела, они не ищут работу своим подопечным. То есть мы в «Перспективе» работаем больше как кадровое агентство. Они этого не делают. Они обучают своих подопечных всему, вплоть до того, как и куда нужно смотреть при собеседовании. Потому что среди незрячих, как известно, многие просто не понимают, что нужно смотреть на собеседника. А дальше они уже сами ищут работу. Они их просто учат, как это делать. Незрячие могут быть у них на «балансе», пока не найдут работу, то есть столько, сколько нужно. И есть успешные истории.

Резюмируя беседу с Оксаной Чучунковой, можно с уверенностью сказать, что конкуренция существует не только среди незрячих, конкуренция — это одна из характеристик нашей современной жизни. Она существует на открытом рынке труда для всех. Просто незрячие ко всем общим проблемам при трудоустройстве имеют ещё одну — проблему со зрением. Поэтому, чтобы незрячему найти достойную и хорошо оплачиваемую работу, надо не заикливаться на своей незрячести, а пройти всю эту технологическую цепочку трудоустройства. И начинать надо с правильной постановки вопроса, а именно: поставить цель и постепенно, пошагово к ней идти, как к ней идёт абсолютно любой человек. Но обязательно надо иметь в виду, что не все профессии доступны незрячим. Никаких секретов в трудоустройстве незрячих просто не существует.

НИТКИ... ПЕТЕЛЬКИ... УЗОРЫ... ЖИЗНЬ

Эта хрупкая миниатюрная девушка всегда легка на подъём, эмоциональна в своём полёте по жизни, и кажется, что всё у неё легко и просто. Однако за её плечами тяжёлым грузом притаились сложные перипетии, опасные повороты и витиеватые нити событий, вплетённые её золотыми руками в жизненное полотно. Моей собеседницей стала Елена Чернышова — победитель V Национального чемпионата по профессиональному мастерству среди инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья «Абилимпикс-2019», мама взрослого сына, хозяйка пса и попугая, талантливая рукодельница и просто девушка с равнодушным добрым сердцем.

— *Елена, ты привезла золотую медаль с «Абилимпикса». С каким чувством и настроением ты вернулась домой? Что даёт тебе участие в подобных конкурсах?*

— Я уже не первый раз еду в Москву на финальную часть «Абилимпикса». В 2017-м я привезла бронзовую медаль, но в душе понимала, что это не предел возможностей. Побеждать всегда приятно, особенно когда ты на победу надеешься, но не ждёшь. Любой конкурс даёт главное — возможность конкурировать с талантливыми умельцами, увидеть и узнать новые тенденции — в области вязания в моём случае. Когда варишься в соб-

ственном соку, многое остаётся за бортом твоего понимания. В итоге в душе две важные эмоции — радость победы и надежда, что моим умениям найдётся применение, ибо победа в «Абилимпиксе» предполагает возможность трудоустройства. Пока этого не случилось, но я надеюсь.

— *Талант не зависит от места жительства, возраста и возможностей здоровья. Мы видели твои работы в номинации «Вязание». Скажи, тяжело человеку с ослабленным зрением реализовывать себя в этом направлении?*

— Непросто — везде есть свои нюансы. Но когда ты любишь то, чем занимаешься, готов делать это «с закрытыми глазами». На «Абилимпиксе» организаторы поставили нам задачу — связать конкурсную работу и уложиться в конкретное время. Я была погружена в себя, не обращала внимания, кто вяжет быстрее, кто лучше. Мне было важно, как это сделаю я. Это как в спорте: поставил цель — и вперёд! К моей цели вели десятки ниточек, петелек и узорчиков. А в итоге — золотая медаль. Конечно, инвалидность по зрению вносит коррективы, скажем так, в производство работы, но она не влияет на её качество. Когда я в детстве училась вязать, зрение моё было нормальным, но потом в течение жизни оно начало портиться, и пришлось адаптировать свои умения к отсутствию зрения. Сейчас я способна вязать в полной темноте и не переживать за качество.

— *За свою жизнь ты много где успела поработать. С чем это связано, и пригодился ли тебе полученный опыт?*

— Это верно — мой профессиональный опыт огромен и разнообразен. Я умудрилась поработать продав-

цом, санитаркой, диспетчером такси, охранником... Смена профессий связана и с жизненными трудностями, и с финансами, но где бы я ни работала, это, во-первых, всегда с удовольствием, а во-вторых, моя главная задача — не подвести людей и качественно делать свою работу. Бывало так, что я увольнялась с места работы добровольно только потому, что понимала, что становится трудно её выполнять, в том числе и по причине слабого зрения. Любой опыт в жизни полезен, начиная с общения и заканчивая навыками какой-либо деятельности. Но где бы я ни работала, вязание — это тот спутник, который рядом со мной всегда.

— *Ты всегда ищешь интересные способы применения своего рукодельного таланта. Расскажи о проекте «Чудо-клубочки», в котором ты участвуешь.*

— «Чудо-клубочки» — это волонтерский проект, на который мне не жаль ни времени, ни сил. Суть в том, что участники проекта добровольно и с удовольствием вяжут для детей с онкологическими диагнозами и для недоношенных деток перинатального центра пледы, пинетки и всё то, что может понадобиться. Организатор проекта — Дарья Мосунова. Существует он уже 5 лет. Я в проекте год и вижу, что откликающихся и неравнодушных людей очень много, и это отрадно. В душе я радуюсь, что могу поделиться добром и быть полезной тем, кто оказался в трудной ситуации.

Сейчас жутко не хватает времени на вязание для себя или на заказ, но я всегда найду это время для «Чудо-клубочков». Помимо пользы этот проект дарит ещё и радость общения. Мы часто собираемся, организуем совместные выезды, и за привычным процессом вязания общаются абсолютно разные люди разного возраста.

та и социального положения — и это прекрасно. Организаторы проекта ищут спонсоров, которые поставляют нам пряжу и всё то, что может понадобится. Я не всегда могу посещать эти наши волонтерские собрания и очень часто вяжу дома, а потом привожу готовые вещи.

— *Елена, расскажи, кто учил тебя вязать? Какими видами рукоделия ты ещё занимаешься? Поведай забавные случаи из жизни рукодельницы.*

— Вяжу я с самого детства. Моя мама была профессиональной швеёй и закройщицей, и она видела меня продолжателем её деятельности, учила шить и всему тому, что должен уметь профессионал. А вот тётушка моя была мастерицей по части вязания, и моя душа тяготела к спицам, ниточкам, клубочкам и петелькам. Тётя была для меня гуру в плане вязания, она могла связать абсолютно всё — от наперстка до чехла на танк. Я твёрдо решила в своём малолетнем детстве, что хочу научиться вязать, как она. Путь освоения ремесла был тернист: спицы не слушались, нитки путались, узоры не запоминались. Когда тётушка в очередной раз потеряла терпение объяснять мне одно и то же, она сунула мне книгу-самоучитель «Азбука вязания», а дальше я всё освоила сама. Тётя была мастерицей, но учить других не каждый способен, это особое умение, и книга пришлась как раз кстати. Я до сих пор храню эту старенькую книжку, как ностальгическое напоминание о моей тётушке.

Мои первые изделия были странными. Как сейчас помню, они были слишком туго связаны — шарф не гнулся, варежки стояли колом и всё в таком духе. Читая самоучитель и слушая тётушку, я поняла, что вязать надо чуть слабей, чем это делала я.

Забавных случаев с вязаными вещами было много. Однажды на концерте в филармонии я увидела своё платье, то есть связанное моими руками. Я точно знала, что оно «моё». Набралась смелости и спросила у владелицы платья, где она его приобрела. Оказалось, что это действительно вещь, связанная моими руками, которую ей одолжила подруга — моя заказчица. Ещё были случаи, когда на улице подходили люди и просили снять с себя понравившуюся им связанную вещь и продать — здесь и сейчас. Наверное, это лучшая похвала мастерице.

— Учить других — процесс сложный. Пробовала ли ты себя в этом деле?

— Пока нет, но я собираюсь попробовать. Сейчас я являюсь исполняющим обязанности председателя Октябрьской местной организации Красноярской краевой организации ВОС и хочу организовать сначала серию мастер-классов по вязанию, а впоследствии и кружок на регулярной основе. Желающие есть, причём как подростки, так и взрослые люди. Умений и навыков у меня достаточно, плюс, проходя реабилитацию в Волоколамске, я консультировалась с преподавателями на предмет специфики обучения тотально незрячих и слабовидящих людей вязанию. Думаю, совместными усилиями всё у нас получится.

— Сегодня, как и всегда, чтобы не стоять на месте, нужно развиваться, оттачивать умения, впитывать новые тенденции. Как у тебя обстоит дело с этим, продолжаешь ли ты обучать саму себя новому и совершенствовать свой опыт или тебе хватает накопленного багажа?

— Когда есть приличная база навыков и многолетний опыт — самосовершенствоваться всегда проще. И я это

делаю. Каждый день в сфере и индустрии вязания появляется много нового — новая пряжа, о которой раньше мы могли только мечтать, новые техники вязания, иные модные тенденции и ещё много всего. Но я убеждена, что лучшим способом познания всего нового является практика. Приведу пример из моего личного опыта. В начале 2000-х годов в моду вошли вязаные купальники, и ко мне обратилась девушка с просьбой связать ей такой. Я тогда про это ничего не знала: как вязать, какие нитки выбрать — надо чтобы изделие не просто было красивым, а чтобы не вытягивалось, не деформировалось и прочее. Неделью я изучала суть вопроса, потом ещё дней 5 вязала. Итогом стала качественно связанная вещь и радость заказчицы. Мода — дама капризная, и её писк — явление уникальное, а вместе с ней «пищим» и мы — её покорные поклонники. Дальше ко мне потянулись все модницы нашего города с просьбой связать им купальники. И я настолько поднаторела в процессе создания этого изделия, что могла лекции про это читать (*скромно улыбается*). Этот пример показателен — я всё новое познаю на практике: ниточка за ниточкой, петелька за петелькой, и получаю от этого большое удовольствие.

— *Что ты можешь посоветовать начинающим и подрастающим мастерицам и мастерам?*

— О да, сегодня вязание очень популярно — как способ самовыражения, как модный тренд в одежде, в создании интерьера и прочее. Вязание интересует не только девочек, но и мальчиков, у мужчин, кстати, процесс обучения идёт гораздо легче. Я категорично советовать не стану, но кое-что могу порекомендовать.

Первое, как бы странно ни звучало, — не откладывайте процесс обучения вязанию на старость. Если за-

хотели научиться, начинайте этот процесс прямо сейчас, и у вас будет уйма времени и возможностей. Как-то на ярмарке мастеров ко мне подошла старушка и сказала: «Как хорошо, что ты вяжешь, будучи молодой...» Женщина очень жалела, что освоила этот процесс лишь в пожилом возрасте.

Второй момент — если вы решили заняться вязанием серьёзно, не пренебрегайте профессиональным образованием. Сегодня существует много ремесленных лицеев, училищ, курсов, мастер-классов и других образовательных программ. Они помогут вам освоить практические навыки, приобрести теоретическую базу знаний, ну, и, возможно, помогут с последующим трудоустройством.

Третье — детям свойственно мечтать. Скажу и детям, и взрослым — не бойтесь мечтать и воплощать свои мечты. Сегодня возможно всё: и создать своими руками коллекции вязаной одежды, и стать известным модельером в сфере вязания, и реализовать себя в дизайне интерьеров. Главное — мечтать и работать, работать, работать.

Четвёртое — скажу парадоксальную вещь: не допускайте, чтобы вязание стало чем-то маниакальным. Кроме этого есть остальной мир, ваши близкие, друзья, работа, и этому всему нужно дарить своё внимание. Не повторяйте моих ошибок. Был в моей жизни период, когда я с головой ушла в вязание, и моему маленькому сынишке это не нравилось. Он ломал спицы, рвал нитки, прятал клубки. Я вовремя осознала, что ему не хватает меня самой, и все эти петельки и узорчики не заменят живое общение.

— *Елена, расскажи, с какими нюансами сталкиваешься, когда вяжешь одежду на заказ?*

— Если мастерица всё умеет, проблем у неё не будет. Основная проблема в такой работе — это психология заказчика. Порой очень сложно найти с ним взаимопонимание. Ведь одежда, сшитая или связанная на заказ, с одной стороны, отражает наши желания и надежды, а с другой, как бы странно это ни звучало, демонстрирует наши комплексы и нереализованные потребности. У меня был пример. Приходит заказчица — женщина с 56 размером одежды и приносит картинку, на которой стройная барышня в мини-платье. Говорит: «Хочу вот такое». Я корректно пытаюсь объяснить, что в большом размере это платье не будет смотреться и лучше бы поискать другой фасон. В ответ я слышу: «Я вам деньги плачу, вяжите». И я вяжу, вопреки своему мнению. В итоге заказчица на примерке своими глазами видит то, о чём я её предупреждала, и просто уходит, не выкупая заказ. Мне не жаль потраченного времени, обидно, что люди не слушают профессионалов, не доверяют, а в голове держат лишь свои «хотелки». Вот такие риски бывают в нашей работе. Над общением с потенциальными покупателями надо работать и нам, и им, и тогда результат устроит всех.

— Я знаю, ты любишь путешествовать и искать для себя новые места и новые формы проявления себя и своих способностей. Поделись ближайшими планами на жизнь.

— Я стараюсь долгосрочно ничего не планировать. Быть может, прелесть жизни в её неизвестности и непредсказуемости. Я ни от чего не отказываюсь и порой ввязываюсь в любую интересующую меня «авантюру». Вот недавно мне удалось по программе «Волонтёры культуры России» съездить в Псково-Печёрский монастырь. Цель этого про-

екта — сохранение памятников и культурного наследия родной страны. Мы были там неделю, приводили в порядок территорию и всё то, что требовало активного участия волонтеров. За эти дни я многое переосмыслила, а на поиск смысла и духовное обогащение я всегда с удовольствием трачу своё время. Если будут ещё подобные предложения поехать куда-либо, я буду на них соглашаться при условии наличия свободного времени.

— *Елена, что ты можешь пожелать читателям нашего журнала?*

— Основная моя мысль такова: каждый человек и прежде всего каждый ребёнок уникален. У всех у нас свои таланты и способности. Берегите свой талант, относитесь к нему серьёзно, совершенствуйте его, работайте над ним, и талант ответит вам приятной взаимностью. Если вы освоили вязание — не прекращайте это дело. Каждая связанная вещь уникальна и не похожа на другую. Вяжите для себя, для своих близких и друзей. Подобные изделия хранят тепло рук и добрую энергетику. Не бойтесь, если что-то не получается — распускайте и пробуйте снова, и всё у вас получится.

Разговор с Еленой был долгим и интересным, и многое осталось за рамками интервью. Но я поняла главное: Елена — это человек с огромным сердцем, знающий цену жизни, умеющий преодолевать трудности с помощью инструментов добра и равнодушия. Она — ответственный человек и стремится не подвести тех, кто на неё надеется, тех, кто ждёт помощи, и тех, кто её любит. Из клубка её намерений тянутся нити поступков, образуя петельки в общем сложном узоре под названием «судьба».

ПРОБА ПЕРА

Учитель русского языка и литературы специальной общеобразовательной школы-интерната № 29 города Георгиевска Ставропольского края Каринэ Арташесовна Гаспарян прислала новые стихи своих учеников. Часть из них мы публикуем в этом номере, а с остальными обязательно познакомим вас позже.

Наталья Жарова

ВМЕСТЕ С ДОЖДИКОМ

Дождик брызжет, дождик льёт,
Мне прохода не даёт.
Зонт возьму и сапоги.
Говорит мне дождь: «Беги!»

Побегу, раз в школу надо.
Дождь бежит со мною рядом.
Мы по времени как раз
До звонка успеем в класс!

ОДУВАНЧИКИ

В летний солнечный денёк
Золотой расцвёл цветок.
На высокой тонкой ножке
Всё дремал он у дорожки,
А проснулся — улыбнулся:
— Вот пушистый я какой!
Ах, боюсь, что разлечусь,
Тише, ветер луговой!

МОЙ ДРУГ В БЕДЕ

Мне пёс Жучок задал задачу:
Застрял в ограде и скулит.
Зря ни минуты не потрачу,
Я поспешу: душа болит,
Наружу рвётся моё сердце.
Смотрю: из лапы — струйкой кровь.
Куда ему от боли деться?
Пытается и вновь, и вновь
Из западни ко мне он прыгнуть,
Но нет, не может! Я к нему!
Мне удаётся лапу вынуть.
Помочь, помочь я смог ему!

Владислав Великодченко

ученик Павловской школы-интерната № 2

МОЙ ЛЮБИМЫЙ 2 «А»

Я хочу рассказать о своём любимом 2 классе. В классе у нас 8 человек, три девочки и пять мальчиков. Наш класс очень дружный, сплочённый, мы очень переживаем друг за друга, живём по принципу «Один за всех и все за одного». Класс, в котором я учусь, дружный и дисциплинированный. Ребята класса принимают участие в международных и всероссийских конкурсах, занимают призовые места. У нас есть спортсмены, которые участвуют в областных соревнованиях по лёгкой атлетике и привозят медали за призовые места. Сам я учусь

на 4 и 5 и дружу с одноклассниками. Регулярно у нас проводятся трудовые десанты (здесь мы учимся пришивать пуговицы, правильно гладить вещи, наводить порядок в групповой комнате). Все мои одноклассники с большим интересом и желанием принимают участие в жизни школы и класса, у каждого есть поручение, за выполнением которого следит командир класса, придумывает всякие интересные игры на прогулке, например «Узелки», в которые играют ребята всего класса.

В нашем классе есть традиция отмечать дни рождения одноклассников, мы все очень тщательно готовимся, продумываем конкурсы, каждый готовит поздравление и подарок. Вместе с родителями и воспитателем проводим мастер-класс по изготовлению новогодних игрушек и украшению класса. По окончании учебного года мы всем классом отправляемся в поход на природу, это нам нравится больше всего.

Всегда и во всём нас поддерживает наша классная мама. Это воспитатель Кудрявцева Светлана Сергеевна. Меня воспитывает бабушка, про маму я знаю только по рассказам. Светлана Сергеевна для меня как мама, которая всегда готова прийти на помощь в любое время. Мы очень много душевно беседуем о жизни, о правилах поведения в обществе. Она заботится о нас как мама, добрая, заботливая, ласковая! Всем, что у нас происходит в нашей жизни, плохим или хорошим, мы делимся с воспитателем, рассказываем свои секреты, потому что доверяем.

Целый день мы проводим вместе, сначала учёба, потом внеурочная работа, а когда наступает вечер, нам не хочется уходить домой, потому что нам хорошо вместе, потому что мы семья!

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Маргарита Мельникова

ОКТЯБРЬ

Надсадно закашлялся октябрь,
Словно простуженное дитя.
Хнычет: и в холод его, и в жар,
Листья-игрушки на тротуар
Швыряет. Не так всё ему, не то...
Скинуть бы вымокшее пальто!
За красками сбегать... кисти где?!
Но разве рисуют при дожде?

Сотри меня из памяти своей.
Отринь былое. С чистого листа
Начни. Порывом жадным суховой
Росы солёной пусть лишит уста.

Из памяти своей меня сотри,
Как рукавом испарину со лба.
Да уходи скорее, не смотри
Назад, туда, где я одна — слаба.

Перешагни, перечеркни меня!
И радугой-дугой делись с другой.
А я, обиду горькую уняв,
В твой мрачный мир отныне ни ногой!

ЧАСЫ

Красноречиво тикали часы,
Секундами не дорожили стрелки.
На небе, как на дьявольской тарелке,
Лежал луны заплесневелый сыр.

Зачитывало время приговор,
По замкнутому кругу стрелки плыли.
Не отличая вымысел от были,
Ты в небо устремил потухший взор.

Озвучивало время свой вердикт —
Бесстрастно, равнодушно, монотонно...
Осталось меньше на двоих влюблённых
На острове Джульетт и Эвридик,
Ромео и Орфеев... А часы
Всё тикали — вне жалости, вне скорби...
Тянулась ночь, словно безвкусный «Орбит»,
Которым никогда не будешь сыт.

УСЛЫШАТЬ ВАС...

Порою мнится, будто к вам я охладела.
До вас мне будто никакого дела.
Хмельные дни, мечты о невозможном
Остались там — в былом, в минувшем, в прошлом!

О вас неделями могу не вспоминать я.
И с головой в привычные занятия,
Как в омут окунувшись безмятежный,
Я не скучаю, не томлюсь, не грежу.

Но вот из пустоты, из сна, из ниоткуда
Является — его ни с чем не спутать —

Желание, знакомое до дрожи,
Вонзающее сотни игл под кожу, —

Услышать вас... В неуловимом эхе,
В бесслёзном плаче и в беззвучном смехе,
В мотивах юных и напевах старых,
В аккордеонах, скрипках и гитарах...

Открыть вас заново, как заново родиться;
До исступленья вами насладиться,
А после, опустив глаза-черешни,
Забывать о вас — не навсегда, конечно!

СЕГЕЙ ЕСЕНИН

1895 — 1925

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Галина Бенеславская

ВОСПОМИНАНИЯ О ЕСЕНИНЕ

(Отрывки)

1920 год. Осень. «Суд над имажинистами»*. Большой зал Консерватории. Холодно и нетоплено. Зал молодой, оживлённый. Хохочут, спорят. Нас целая компания. Пришли потому, что сам Брюсов председатель. Наконец на

**Имажинизм* — литературное направление в русской поэзии XX века, представители которого заявляли, что цель творчества состоит в создании образа.

эстраду выходят. Подсудимые садятся слева группой в пять человек. Шершеневич, Мариенгоф и ещё кто-то.

Суд начинается. Выступают от разных групп: неоклассики, акмеисты, символисты — им же имя легион. Подсудимые переговариваются, смеются. В их группе Шершеневич, Мариенгоф, Грузинов, Есенин и их «защитник» — Фёдор Жиц. Слово предоставляется подсудимым. Кто и что говорил — не помню, даже скучно стало. Вдруг выходит тот самый мальчишка: короткая, нараспашку оленья куртка, руки в карманах брюк, совершенно золотые волосы, как живые. Слегка откинув назад голову и стан, начинает читать:

Плюйся, ветер, охапками листьев, —
Я такой же, как ты, хулиган.

Он весь стихия, озорная, непокорная, безудержная стихия, не только в стихах, а в каждом движении, отражающем движение стиха. Гибкий, буйный, как ветер, о котором он говорит, да нет, что ветер, ветру бы у Есенина признаться удали. Где он, где его стихи и где его буйная удаль — разве можно отделить. Всё это слилось в безудержную стремительность, и захватывают, пожалуй, не так стихи, как эта стихийность.

Есенин читает «Плюйся, ветер, охапками листьев...». Но это не ураган, безобразно сокрушающий всё, что попадает на пути. Нет. Это именно озорной, непокорный ветер, это стихия не ужасающая, а захватывающая. И в том, кто слушает, невольно просыпается та же стихия, и невольно хочется за ним повторять с той же удалью: «Я такой же, как ты, хулиган».

Потом он читал «Трубит, трубит погибельный рог!..».

Что случилось после его чтения, трудно передать. Все вдруг повскакивали с мест и бросились к эстраде, к нему. Ему не только кричали, его молили: «Прочитайте ещё что-нибудь!»

Опомнившись, я увидела, что я тоже у самой эстрады. Как я там очутилась, не знаю и не помню. Очевидно, этим ветром подхватило и закрутило и меня.

Что случилось, я сама ещё не знала. Было огромное обаяние в его стихийности, в его полу-боярском, полухулиганском костюме, в его позе и манере читать, хотелось его слушать, именно слушать ещё и ещё.

Второй вечер был в Политехническом музее. Всего вечера я уж не помню. С этих пор на всех вечерах всё, кроме Есенина, было как в тумане. Помню только, как во время суда имажинистов над современной поэзией из зала раздался зычный голос Маяковского о том, что он кое-что знает о незаконном рождении этих эпигонов футуризма (что-то в этом роде). Через весь зал шагнул Маяковский на эстраду. А рядом с ним, таким огромным и зычным, Есенин пытается перекричать его: «Вырос с версту ростом и думает, мы испугались, — не запугаешь этим!». В конце вечера Сергей Александрович читал стихи, кажется, «Исповедь». Читал так же, как и первый раз. Он раньше, до «Страны негодяев», читал всегда с буйством, с порывом.

В Политехническом музее объявлен конкурс поэтов. За кого же нам голосовать? Робко решаем — за Есенина; смущены, потому что не понимаем — наглость это с нашей стороны или мы действительно правы в нашем убеждении, что Есенин первый поэт России. Но всё равно голосовать будем за него.

И вдруг — разочарование! Участвует всякая мелюзга, а Есенин даже не пришёл. Скучно и неинтересно стало. Вдруг поворачиваю голову... внизу у самых дверей виднеется золотая голова! Я вскочила с места и на весь зал вскрикнула:

— Есенин пришёл!

Сразу суматоха и переполох. Начался вой: «Есенина, Есенина, Есенина!» Есенина на руках втащили и поставили на стол — не читать невозможно было, всё равно не отпустили бы. Прочёл он немного, в конкурсе не участвовал, выступал вне конкурса, но было ясно, что ему и незачем участвовать, ясно, что он, именно он — первый.

Я и Яна идём мимо лавки на Никитской. Яна, взглянув в окно, увидела, что там Есенин без шапки, в костюме. Нечаянно я оглядываюсь на улице: за нами — Есенин, идёт без шапки, со связкой книг. Заговорили о критике. Сергей Александрович очень интересовался статьями о литературе в зарубежных газетах. Яна обещала ему доставать. Больше всего интересовался статьями и заметками о нём самом и об имажинистах вообще. Поэтому я и Яна доставали ему много газет.

Как-то раз Яна достала какие-то газеты. Передали их Есенину. Заходим за этими газетами. Оказывается, Мариенгоф передал их Шершеневичу. Есенин оделся и вместе со мной и Яной пошёл к нему.

Это был первый ласковый день после зимы. Вдруг всюду побежали ручьи. Безудержное солнце. Лужи. Скользко. Я и Сергей Александрович всю дорогу хохочем. Весна — весело. Рассказывает, что он сегодня уезжает в Туркестан. «А Мариенгоф не верит, что я уеду». Но в Туркестан всё-таки уехал.

Это было в декабре 1923 года. Сергей Александрович в «Стойле»* рассказывал друзьям — 10 декабря десять лет его поэтической деятельности. Десять лет тому назад он первый раз увидел напечатанными свои вещи. Сам даже проект записки в Совнарком составил.

Придя домой, рассказывал, что Союз поэтов и пр. собираются организовать празднование юбилея. Мы отнеслись очень сдержанно к этой идее — мне было ясно, что у нас, как, впрочем, и на всей планете, венчают лаврами только «маститых», когда из человека уже сыплется песок. Сергей Александрович стал с раздражением доказывать своё право на чествование:

— Когда умрёшь, тогда — памятники, тогда — чествования, тогда — слава. А сейчас я имею право или нет... Не хочу после смерти, на что тогда мне это. Дайте мне сейчас, при жизни. Не памятник, нет. Пусть Совнарком десять тысяч мне даст. Должен же я получать за стихи.

Наше молчаливое отношение его очень сердило. Пару дней поговорил. Потом никогда не вспоминал о своём юбилее.

В делах денежных после возвращения из заграницы он очень запутался (недаром к юбилею он именно денег ждал от Совнаркома). Иногда казалось, что и не выпутаться из этой сети долгов. Приехал больной, издёрганный. Ему бы отдохнуть и лечиться, а деньги только из «Стойла». По редакциям ходить, устраивать свои дела, как это писательские середняки делают, в то время он не мог, да и вообще не его это дело было. Трудно передать, насколько мучительно было для него это добыва-

*«Стойло Пегаса» — поэтическое кафе имажинистов, существовавшее с сентября 1919 по 1924 год.

ние денег. Его гордость не мирилась с неудачами, с получением отказа. Поэтому, направляясь в редакцию, он напрягал все нервы, чтобы не нарваться на отказ. Для этого нужно было переводить свою психику на другой регистр.

Говорят, пишут, вспоминают про него — какой он был хитрый, изворотливый, как умел войти в душу всесильного редактора, издателя и пр. Но при этом забывают случаи, когда Сергей Александрович пасовал, неудачно отстаивал свои интересы, как, например, с продажей своих сочинений Госиздату, когда он, почти не глядя, собирался подписать договор и только благодаря сестре Екатерине Александровне и поэту Наседкину получил от Госиздата 10 тысяч вместо 6 тысяч, на которые он уже почти согласился.

Одно он знал и понимал: за стихи он должен получать деньги. Заниматься же изучением бухгалтеров и редакторов — с кем и как разговаривать, чтобы не водили за нос, а выдали, когда полагается, деньги, — ему было очень тяжело, очень много сил отнимало.

Нам пришлось жить втроём (я, Сергей Александрович и его сестра Катя) в одной маленькой комнате, а с осени 1924 года прибавилась четвёртая — сестра Шурка. Как Сергею Александровичу трудно было с деньгами — этого словами не описать. Положение было такое, что иногда нас лично спасало моё жалованье, а получала я немного, рублей 70. Всего постоянных «иждивенцев» было четверо (мать, отец и две сестры), причём жили в разных местах, родители — в деревне, сёстры — в Москве, а сам Сергей Александрович — по всему СССР.

Ещё хуже положение было во время пребывания Сергея Александровича в Москве. Расходы увеличивались в десять раз, и мы изнемогали от вечного добывания денег. Вместе с тем было ясно, что это бремя нельзя взыскать на Сергея Александровича. Иногда бывало, у Сергея Александровича терпение лопалось, он шёл сам в какую-либо редакцию, но кончалось это плачевно. Нанервничавшись от бесконечного ожидания денег или попав в компанию «любителей чужого счёта», он непосредственно из редакции попадал в пивную или ресторан. В конце концов приезжал ночью пьяный и без денег. Вместе с тем уходить и оставлять его одного дома тоже было страшно: зайдёт какой-нибудь из этих забулдыг или по телефону вытащит, и не знаешь, в какой пивной или где ещё искать.

Правда, уже с лета 1924 года (после санатория и больницы) мы за ним не ходили, объяснив, что если раньше бегали и искали его каждый вечер по всем «святым местам», то это потому, что надо было его какими бы то ни было чудесами в целости сохранить до санатория, а вообще так бегать — это значит вконец испортить его. И он все вожди распустил в надежде, что Галя или Катя выручат.

Сергей Александрович очень страдал от своей бездеятельности. Нечем стало жить. Много, очень много уходило и ушло в стихи, но он сам говорил, что нельзя ему жить только стихами, надо отдыхать от них. Отдыхать было не на чем. Оставались женщины и вино. Женщины скоро надоели. Следовательно — только вино, от которого он тоже очень хотел бы избавиться, но не было сил, вернее, нечем было заменить, нечем было заполнить промежутки между стихами.

— Не могу же я целый день писать стихи. Мне надо куда-то уйти от них, я должен забывать их, иначе я не смогу писать, — не раз говорил он в ответ на рассуждения, что нельзя такое дарование губить вином.

Ясно — не мог он работать в каком-либо учреждении завоём, но, думаю, многие помнят, как он носился с идеей организовать журнал, как он цеплялся за эту мысль. Помню, Сергей Александрович восторженно мечтал об этом журнале. Тогда не удалось это осуществить. Есенин уже был болен, его надо было поставить на ноги, а потом привлечь к работе в каком-либо журнале. Ясно, что сам он, конечно, не смог бы организовать. Не знаю, в чём вина — в обычной есенинской неудачливости: у него всегда так складывалось, что при всяких обстоятельствах, при самой большой, иногда неправдоподобной удаче, для себя лично он получал лишь плохие и вредные результаты этой удачи.

Конечно, большую роль сыграла здесь болезнь. Благодаря обострённому восприятию он осознал и благодаря этому же не мог спокойно разобраться, «где нас горько обидели по чужой и по нашей вине». Вот эти границы чужой и собственной вины смешались. Ему надо было помочь разобраться, и был бы выход из тупика, и было бы чем жить.

После границы Дункан вскоре уехала на юг (на Кавказ и в Крым). Не знаю, обещал ли Сергей Александрович приехать к ней туда. Факт то, что почти ежедневно он получал от неё телеграммы. Она всё время ждала и звала его к себе. Телеграммы эти его дёргали и нервировали до последней степени, напоминая о неизбежности предстоящих осложнений, объяснений, быть может,

трагедии. Всё придумывал, как бы это кончить сразу. В одно утро проснулся, сел на кровати и написал телеграмму: «Я говорил ещё в Париже, что в России я уйду. Ты меня очень озлобила. Люблю тебя, но жить с тобой не буду. Сейчас я женат и счастлив. Тебе желаю того же. Есенин».

Дал прочесть мне. Я заметила — если кончать, то лучше не упоминать о любви и т. п. Переделал: «Я люблю другую. Женат и счастлив. Есенин». И послал.

Близился срок возвращения Дункан. Сергей Александрович был в панике, хотел куда-нибудь скрыться, исчезнуть. Как раз в это время получил слёзное письмо от Клюева — он, мол, учитель, погибает в Питере. Сергей Александрович тотчас укатил туда. Уезжая, просил меня перевезти все его вещи с Богословского ко мне, чтобы Дункан не вздумала перевезти их к себе, вынудить таким образом встретиться с ней. Я сначала не спешила с этим. Но как-то вечером зашла Катя и сказала, что завтра приезжает в Москву Дункан. Мы решили сейчас же забрать вещи с Богословского, и через час они были здесь. В четверг приехали Сергей Александрович с Клюевым из Петрограда. В дальнейшей истории с Дункан немалую роль сыграл опять тот же Клюев. Поэтому сначала о нём.

О Клюеве от Есенина я слышала самые восторженные отзывы. Ждала, правду сказать, его приезда с нетерпением. Сначала я была очарована Клюевым. Почва была подготовлена Сергеем Александровичем, а Клюев завоевал меня и Аню Назарову своим необычным говором, меткими, чисто народными, выражениями и чтением стихов, хотя и чуждых внутренне, но очень сильных.

Впрочем, он всю жизнь убил на совершенствование себя в области обморачивания людей. И нас, тогда ещё доверчивых и принимавших всё за чистую монету, нетрудно было обворозжить.

Пришла Катя. «Что это за старик отвратительный такой», — спросила нас. (Внешность Клюева — лабазник прилизанный, носил вылинявшую ситцевую синюю рубаху с заплатой — прибеднивался для сохранения стиля.) Мы на Катю зашикали, объяснили, что это сам Клюев. Она любопытствовала поглядеть его ещё, но своё мнение о нём не изменила.

Уже через несколько дней мы убедились, что непосредственное чутье её не обмануло. Изумительно сказал про него Сергей Александрович: «Ты душу выпеснил избе (т. е. земным благам), но в сердце дома не построил».

В чём дело, почему в Клюеве умерло всё остальное человеческое, не может быть, чтобы никогда и не было. Быть может, прав Сергей Александрович: «Клюев расчищал нам всем дорогу. Вы, Галя, не знаете, чего это стоит. Клюев пришёл первым, и борьба всей тяжестью на его плечи легла».

Быть может, потому, несмотря на брезгливое и жалостное отношение, несмотря на отчуждённость, Сергей Александрович не мог никак обидеть Клюева, не мог сам окончательно избавиться от присосавшегося к нему «смирного Миколая», хотя и хотел этого.

Быть может, из осознания, что благодаря Клюеву не испоганилась вконец и его душа, а эта борьба коверкала душу — об этом Сергей Александрович не раз с болью вспоминал в последние годы, когда понял, что нет ничего дороже, как прожить жизнь «настоящим», «хорошим»,

и с детской радостью и гордостью говорил: «Я ведь, всё-таки, хороший. Немножечко — хороший и честный». Только тогда пришёл к сознанию, что всё-таки слишком много крутил, слишком много сил отдано на борьбу за «суету сует».

И на самом деле Сергей Александрович по существу был хорошим, но его романтика, его вера в то, что он считал добром, разбивались о бесконечные подлости окружавших и присосавшихся к его славе проходимцев, пройдох и паразитов. И он с детской обидой считал себя со своими хорошими порывами дураком. И решал не уступать этому окружению в хитрости и подлости. И почти до конца в нём шла борьба этих двух начал — ангела и демона. А «повенчать розу белую с чёрною жабой» он не сумел, для этого надо очень много мудрости, её не хватило.

ХУЛИГАН

Дождик мокрыми мётлами чистит
Ивняковый помёт по лугам.
Плюйся, ветер, охапками листьев,
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжёлой походкой волы,
Животами, листвой хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, моё стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?

Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человеческих ног.

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берёз!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит чёрная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипячёных черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенём стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осуждён я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветер,
Плюй спокойно листвой по лугам.
Не сотрёт меня кличка «поэт»,
Я и в песнях, как ты, хулиган.

ИСПОВЕДЬ ХУЛИГАНА

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечёсаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потёмках освещать.
Мне нравится, когда каменья брани
Летят в меня, как град рыгающей грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.

Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорог я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрыхляет зелена.
Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня.

Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь Бога и болотных недр.
О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!

Вы ль за жизнь его сердцем не индевели,
Когда босые ноги он в лужах осенних макал?
А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.

Но живёт в нём задор прежней вправки
Деревенского озорника.
Каждой корове с вывески мясной лавки
Он кланяется издалека.
И, встречаясь с извозчиками на площади,
Вспоминая запах навоза с родных полей,
Он готов нести хвост каждой лошади,
Как венчального платья шлейф.

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.
Приятны мне свиней испачканные морды
И в тишине ночной звенящий голос жаб.
Я нежно болен вспоминаям детства,
Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь.
Как будто бы на корточки погреться
Присел наш клен перед костром зари.
О, сколько я на нём яиц из гнёзд вороньих,
Карабкаясь по сучьям, воровал!
Всё тот же ль он теперь, с верхушкою зелёной?
По-прежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,
Верный пегий пёс?!
От старости ты стал визглив и слеп
И бродишь по двору, влача обвисший хвост,

Забыв чутьём, где двери и где хлев.
О, как мне дороги все те проказы,
Когда, у матери стянув краюху хлеба,
Кусали мы с тобой её по разу,
Ни капельки друг другом не погребав.

Я всё такой же.
Сердцем я всё такой же.
Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.
Стеля стихов злачёные рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.

Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль.
Ну так что ж, что кажусь я циником,
Прицепившим к заднице фонарь!
Старый, добрый, заезженный Пегас,
Мне ль нужна твоя мягкая рысь?
Я пришёл, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.
Башка моя, словно август,
Льётся бурливых волос вином.

Я хочу быть жёлтым парусом
В ту страну, куда мы плывём.

Свищет ветер, серебряный ветер,
В шёлковом шелесте снежного шума.
В первый раз я в себе заметил —
Так я еще никогда не думал.

Пусть на окошках гнилая сырость,
Я не жалею, и я не печален.
Мне всё равно эта жизнь полюбилась,
Так полюбилась, как будто вначале.

Взглянет ли женщина с тихой улыбкой —
Я уж взволнован. Какие плечи!
Тройка ль проскачет дорогой зыбкой —
Я уже в ней и скачу далече.

О, моё счастье и все удачи!
Счастье людское землёй любимо.
Тот, кто хоть раз на земле заплачет, —
Значит, удача промчалась мимо.

Жить нужно легче, жить нужно проще,
Всё принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Наталия Волкова

ФРУКТЫ-ОВОЩИ

АРБУЗ

Как огромный сухогруз
Приплывает к нам арбуз.
Вот причалил он к земле —
На тарелке на столе.
Папа, мама, карапуз —
Обступили все арбуз.
Раз, два, три, четыре, пять.
Сухогруза не видать.
А остались лодочки —
Семечки да корочки.

ВИШНЯ

Ягод лишних
Нет у вишни
Нам любая дорога:
Для варенья,
Для компота,
Для начинки пирога.
А повыше —
Те для птиц:

Для скворцов
И для синиц.

КАБАЧКИ

Как похожи со спины
Кабачки и кабаны!
И окрас у них неброский,
По спине бегут полосы,
На земле лежат ничком,
Ну а хвостики крючком.
Только нет у кабачка
Ни ушей, ни пяточка!

ТЫКВА

Тыква летом на природе
Отдыхала в огороде.
Воду чистую пила,
Много веса набрала.
И теперь лежит толстушка,
Как огромная кадушка.
Потолстела, загорела.
Это значит, что созрела.

БАНАН

Приехал из дальних,
Заоблачных стран
На месяц похожий
Весёлый банан.

Спасался на солнце
От страшной жары
Он только под толщей
Своей кожуры.
— Как вкусно!
— Как здорово!
— Нежно!
— И сладко!
Мы съели весёлый
Банан без остатка!
И делали вместе
С друзьями фигурки
Весь день напролёт
Из банановой шкурки.

ГРУША

Кончилось лето,
Желтеет наш сад.
Рыжие груши
С деревьев летят,
Шлёпают нам на крыльцо
Невпопад.
В нашем саду начался
Грушепад.
Вечер. И стало темнеть
За окном.
В сад выхожу
Подышать перед сном.
В воздухе сладко
И вкусно от груш.
И принимаю я
Грушевый душ.

КАРТОШКА

Ах, какая замарашка:
Перепачкана рубашка,
Неказистая на вид,
На столе у нас лежит.
Мы потрём бедняге спину,
Мы отчистим грязь и глину,
Маслом сливочным натрём
И в духовку уберём.
Вытащим её потом
В платье новом золотом.
Хоть росла она в земле,
Королева — на столе.

ЯБЛОКИ

Урожайный вышел год!
Яблок — целый огород —
На земле лежат сырой
Целой яблочной горой.
Собираем их с утра
И набрали три ведра,
Пять кастрюль, коробок шесть.
Целый год их будем есть!

МАЛИНА

В лесу на опушке —
Кусты-исполины,
На них очень много
Созревшей малины.

На лакомство тянутся
Взрослые, дети,
Стрекозы и пчёлы
И даже медведи.
Как ягоды эти
Приятны и сладки!
Малина, пожалуй,
Вкусней шоколадки.

Редьярд Киплинг

КАК БЫЛО НАПИСАНО ПЕРВОЕ ПИСЬМО

СКАЗКА

Давным-давно, ещё в Каменном веке, жил да был один человек. Был он человек первобытный, жил в пещере и носил очень мало одежд. Ни читать, ни писать он не умел — да и не хотелось ему ни читать, ни писать, — и, покуда он был сыт, он был счастлив. Звали его Тегумай Бопсулай, а это значит: Человек-ноги-которого-никогда-не-спешат, но мы будем называть его просто Тегумай, чтобы было короче. У него была жена, и звали её Тешумай Тевиндро, а это значит: Женщина-которая-задаёт-слишком-много-вопросов, но мы будем звать её просто Тешумай, чтобы было короче. И была у него маленькая дочка, которую звали Таффамай Металлумай, а это значит: Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлепать-за-то-что-она-такая-шалунья, но я буду называть её

просто Таффи. Тегумай Бопсулай очень любил её, и мама очень любила её, и они шлёпали её гораздо реже, чем нужно, и все трое были довольны и счастливы.

Как только Таффи научилась ходить, она стала бегать повсюду за своим отцом Тегумаем, и бывало они оба до той поры не вернутся в пещеру, покуда им не захочется есть. И тогда Тешумай Тевиндро говорила:

— Где это вы пропадали и так ужасно испачкались? Право же, мой Тегумай, ты ничуть не лучше моей Таффи!

А теперь слушай меня и слушай внимательно!

Как-то раз Тегумай пошёл по болоту, в котором водились бобры, и вышел к реке Вагай, чтобы своим острым копьём набить к обеду карпов. Таффи пошла вместе с ним. Копьё у него было деревянное, с наконечником из акульих зубов. И только что он принялся за охоту, копьё сломалось пополам: слишком уж сильно он ткнул его в дно реки. Что было делать? Идти домой — далеко (завтрак они, конечно, захватили с собой в мешочке), а запасного копья у Тегумая не было. Запасное копьё он забыл захватить.

— Рыба так и кишит, — сказал он, — а на починку копья у меня уйдёт целый день.

— У тебя же есть другое копьё! — сказала Таффи. — Такое большое и чёрное. Хочешь, я сбегаяю в пещеру и попрошу его у мамы?

— Куда тебе бежать такую даль! — сказал Тегумай. — Это не под силу твоим пухленьким ножкам. Да и дорога опасная: ещё утонешь в Бобровом болоте. Попробуем как-нибудь справиться с нашей бедой на месте.

Он сел на землю, взял кожаный ремонтный мешочек, где у него были сложены оленьи жилы, длинные полоски кожи, кусочек смолы, кусочек мягкого пчелиного воску, и принялся чинить своё копьё. Таффи тоже уселась

невдалеке от него, спустила ноги в воду, подпёрла ручкой подбородок и думала-думала изо всех своих сил. Потом она сказала отцу:

— По-моему, это зверски досадно, что мы с тобой не умеем писать. Написали бы записку домой, чтоб нам прислали другое копьё!

— Таффи, — сказал Тегумай, — сколько раз напоминал я тебе, чтобы ты не говорила грубых слов! «Зверски» это нехорошее слово. Но было бы и вправду недурно, раз уж ты заговорила об этом, если бы мы могли написать твоей маме записку.

А в это время по берегу реки шёл незнакомый человек. Он не понял ни слова из того, что сказал Тегумай, потому что был из дальнего племени Тевара. Он стоял на берегу и улыбался, глядя на Таффи, потому что у него у самого была дома маленькая дочка. Тегумай вытащил из мешочка моток оленьих жил и принялся чинить своё копьё.

— Поди сюда, — сказала Таффи, обращаясь к Незнакомцу. — Знаешь ли ты, где живёт моя мама?

Незнакомец ответил: «Гм», потому что он был, как ты знаешь, теварец.

— Глупый! — сказала Таффи и топнула ножкой, потому что увидела, что по реке плывёт целая стая больших карпов, как раз тогда, когда отец не может запустить в них копьём.

— Не приставай к старшим, — сказал Тегумай, не оглядываясь. Он был так занят починкой копья, что даже не взглянул на Незнакомца.

— Я не пристаю, — ответила Таффи. — Я только хочу, чтобы он сделал то, что мне хочется. А он не понимает.

— Тогда не надоедай мне, — сказал Тегумай и, забрав в рот концы оленьих жил, принялся вытягивать их что было силы.

А Незнакомец (он был самый настоящий теварец) уселся на траву, и Таффи стала показывать ему, что делает отец.

Незнакомец подумал: «Это очень удивительный ребёнок. Она топает на меня ногой и строит мне рожи. Она, должно быть, дочь этого знаменитого вождя, который так важен, что даже не обращает на меня никакого внимания».

Поэтому он улыбнулся ещё любезнее.

— Так вот, — сказала Таффи. — Я хочу, чтобы ты пошёл к моей маме (потому что у тебя ноги длиннее моих и ты не свалишься в Бобровое болото) и попросил бы, чтобы тебе дали другое копье. Чёрное. Оно висит у нас над очагом.

Незнакомец (а он был теварец) подумал: «Это очень, очень удивительная девочка. Она машет руками и кричит на меня, но я не понимаю ни слова. И я очень боюсь, что, если я не выполню её приказаний, этот величавый вождь, Человек-который-поворачивается-спиной-к-своим-гостям, разозлится». Он встал, содрал с берёзы большой плоский кусок коры и подал его Таффи. Этим он хотел показать, что душа у него белая, как береста, и что он никому не желает зла. Но Таффи поняла его по-своему.

— О! — сказала она, — понимаю! Ты хочешь узнать, где живёт моя мама. Конечно, я не умею писать, но я могу нарисовать картинку всегда, когда под рукой есть что-нибудь острое, чтобы можно было нацарапать её. Дай-ка мне на минутку акулий зуб из твоего ожерелья.

Незнакомец (а он был теварец) ничего не ответил. Поэтому Таффи протянула руку и дёрнула к себе ожерелье, висевшее у Незнакомца на шее. Ожерелье было из бусин, зёрен и акульих зубов.

Незнакомец (а он был теварец) подумал: «Это очень, очень, очень удивительный ребёнок. У меня на ожерелье заколдованные акулий зубы, и мне всегда говорили, что тот, кто дотронется до них без моего разрешения, немедленно распухнет или лопнет. Но этот ребёнок не распух и не лопнул. А тот величавый вождь, который не обратил на меня никакого внимания, видно, не боится, что девочке угрожает беда. Лучше я буду вести себя с ними ещё любезнее».

Поэтому он дал Таффи свой акулий зуб, и она тотчас же легла на живот и стала болтать ногами в воздухе, совсем как иные дети в настоящее время, когда они ложатся в комнате на пол, чтобы нарисовать ту или другую картинку. Она сказала:

— Сейчас я нарисую тебе несколько красивых картинок! Можешь глядеть у меня из-за плеча. Только не толкай меня под руку. Сначала я нарисую, как папа ловит рыбу. Он вышел у меня не очень похож, но мама узнает, потому что я нарисовала, что копьё у него сломалось.

А теперь я нарисую другое копьё, то, которое ему нужно, чёрное. У меня вышло, будто оно ударило папу в спину, но это потому, что твой акулий зуб соскользнул, да и кусок бересты маловат.

Вот копьё, которое ты должен принести. А вот это я. Я стою и посылаю тебя за копьём. Волосы у меня не торчат во все стороны, как я нарисовала, но так рисовать легче.

Теперь я нарисую тебя. Я думаю, что на самом деле ты очень красивый, но не могу же я сделать тебя на картинке красавцем, поэтому, пожалуйста, не сердись на меня. Ты не сердишься?

Незнакомец (а он был теварец) улыбнулся. Он подумал: «Должно быть, где-то сейчас происходит большое сражение, и этот необыкновенный ребёнок, который взял у меня заколдованный акулий зуб и не распух и не лопнул, велит мне позвать всё племя великого вождя к нему на помощь. Он великий вождь, иначе он не сидел бы ко мне спиной».

— Гляди, — сказала Таффи, очень старательно чертя на коре свой рисунок. — Теперь я нарисовала тебя. Я помещу то копье, которое нужно папе, у тебя в руке, чтобы ты не забыл принести его. Теперь я покажу тебе, где живёт моя мама.

Иди, пока не дойдёшь до двух деревьев (вот эти деревья), потом поднимись на гору (вот эта гора), и тогда ты выйдешь на Бобровое болото, оно полным-полно бобрами. Я не умею рисовать бобров целиком, но я нарисовала их головки. Ведь только их головки ты и увидишь, когда пойдёшь по болоту. Но смотри не оступись. Как кончится болото, тут сразу и будет наша пещера. На самом деле она не такая большая, как горка, но я не умею рисовать очень маленькие вещи.

Вот моя мама. Она вышла из пещеры. Она красивая. Она красивее всех мам, какие только есть на земле, но она не обидится, что я нарисовала её такой некрасивой. Теперь, на случай если ты забудешь, я нарисовала снаружи то копье, которое нужно папе. На самом деле оно внутри, но ты покажи картинку маме, и мама даст тебе это копье. Я нарисовала, как она подняла руки, потому что я знаю, что она будет рада видеть тебя... Красивая картинка, не правда ли? Ты хорошо понял или мне объяснить ещё раз?

Незнакомец (а он был теварец) поглядел на картинку и очень часто закивал головой. Он сказал себе: «Если я не

приведу племя этого великого вождя ему на помощь, его убьют враги, которые подкрадываются с копьями со всех сторон. Теперь я понимаю, почему великий вождь притворился, что не обращает на меня внимания. Он боится, что враги притаились в кустах и что они увидят, как он даёт мне поручения. Поэтому он отвернулся и предоставил мудрому и удивительному ребёнку нарисовать эту страшную картинку, чтоб я понял, в какую беду он попал. Я пойду и приведу ему на выручку всё его племя».

Он даже не спросил у Таффи дорогу, но кинулся, как ветер, в кусты, держа в руке бересту, а Таффи уселась на берегу, очень довольная.

— Что это ты делала, Таффи? — спросил Тегумай.

Он починил копье и теперь осторожно помахивал им вправо и влево.

— Это мой секрет, милый папочка, — ответила Таффи. — Если ты не станешь расспрашивать меня, ты скоро узнаешь, в чём дело, и это тебя очень удивит. Ты не можешь себе представить, какой это будет сюрприз для тебя! Обещай мне, что ты будешь рад.

— Ладно, — сказал Тегумай и принялся ловить рыбу.

Незнакомец всё бежал и бежал с картинкой в руках и пробежал несколько миль, и вдруг совершенно случайно наткнулся на Тешумай Тевиндро. Она стояла у входа в пещеру и судачила с доисторическими дамами, которые пришли к ней в гости на доисторический завтрак. Таффи была очень похожа на Тешумай, особенно глазами и верхней частью лица, поэтому Незнакомец — самый настоящий теварец — вежливо улыбнулся и вручил Тешумай бересту. Он так быстро бежал по болоту, что запыхался, а ноги у него были исцарапаны колючим терновником, но он всё ещё хотел быть любезным.

Как только Тешумай взглянула на картинку, она завизжала и кинулась на Незнакомца. Другие доисторические дамы разом повалили его наземь и все шестеро уселись на него рядком, а Тешумай принялась вырывать у него из головы целые пучки волос.

— Всё очень понятно и просто, — сказала она. — Этот незнакомый мужчина проткнул моего Тегумая копьями и так напугал Таффи, что волосы у неё встали дыбом. Но этого ему было мало, и он принёс мне страшную картинку, чтобы похвастать своими злодеяниями. Смотрите, — и она показала картинку всем доисторическим дамам, терпеливо сидевшим на Незнакомце, — вот мой Тегумай, у него сломана рука. Вот копье, которое воткнуто ему в спину, а вот человек, который собирается бросить в Тегумая копье, а вот другой человек, бросающий в него копье из пещеры. А вот здесь целая шайка злодеев (Таффи нарисовала бобров, но они были больше похожи на людей) подкрадывается сзади к Тегумаю... Всё это ужасно, ужасно!

— Ужасно! — согласились доисторические дамы и вымазали Незнакомцу всю голову грязью (что очень удивило его) и забили в боевой барабан.

И на стук барабана пришли все вожди тегумайского племени, со всеми своими гетманами, доломанами, негусами. За ними шагали пророки, ведуны, жрецы, шаманы, бонзы — и все они в один голос решили: отрубить Незнакомцу голову, но пусть он раньше поведёт их к реке и покажет, куда он спрятал несчастную Таффи.

Между тем Незнакомец (хоть он и был теварец) очень сильно рассердился на дам. Они набили ему волосы комьями грязи, они проволокли его по острым камням, шестеро из них долго сидели на нём. Они колотили его и молотили его так, что он еле дышал, и хотя их язык

был неизвестен ему, нетрудно было догадаться, что они ругают его самыми злыми ругательствами. И всё же он не сказал ни единого слова, а когда собралось тегумайское племя, он повёл этих людей к реке Вагай, и там они увидели Таффи. Она сидела и плела из маргариток венки, а её отец Тегумай целился копьём, которое ему уже удалось починить, в проплывавшего мелкого карпа.

— Быстро же ты воротился! — воскликнула Таффи. — Но почему ты привёл с собой столько народу? Папочка, вот мой сюрприз. Не правда ли, ты удивлён?

— Очень, — сказал Тегумай. — Но вся моя сегодняшняя охота пропала. Почему, почему, объясни мне, пожалуйста, сбежалось сюда всё наше славное племя?

И действительно, всё племя было здесь. Впереди выступала Тешумай Тевиндро со всеми своими соседками. Они крепко вцепились в Незнакомца, волосы которого были густо измазаны грязью (хотя он и был теварец). За ними шёл главный вождь со своим заместителем, потом министры и помощники вождя (вооружённые до верхних зубов), гетманы, сотники, негусы, воеводы со своими тыловыми отрядами (тоже вооружённые до зубов). А за ними бежало всё племя, испуская такие ужасные вопли, которые разогнали всю рыбу в реке на двадцать километров — не меньше.

Это очень рассердило Тегумая, и он покрыл прибывавших людей самой отборной доисторической бранью.

Тут Тешумай Тевиндро подбежала к Таффи и давай целовать её, обнимать и ласкать. Но главный вождь тегумайского племени схватил Тегумая за перья, торчавшие у него в волосах, и стал трясти его с бешеной яростью.

— Говори! Говори! Говори! — закричало всё тегумайское племя.

— Что за чепуха! — сказал Тегумай. — Оставьте мои перья в покое. Почему это так: стоит только человеку сломать на охоте копье, как вот уже набрасывается всё его племя и начинает дубасить его! И кто дал вам право соваться в чужие дела?

— А ты так-таки и не принёс папиного чёрного копья! — сказала Таффи. — И что это вы делаете с милым моим Незнакомцем?

То два человека, то три, а то и целый десяток подбежали к Незнакомцу и били его, так что у того в конце концов глаза вылезли на лоб. Он не мог выговорить ни слова и молча указал на Таффи.

— Дорогой мой, а где же злодеи, что проткнули тебя острыми копьями? — спросила Тешумай.

— Никаких тут не было злодеев! — отвечал Тегумай. — Единственный, кого я видел сегодня, вон тот несчастный, которого вы бьёте сейчас. Не сошло ли ты с ума, о тегумайское племя?

— Он принёс нам страшную картинку, — ответил главный вождь. — На картинке ты весь с головы до пят утыкан стрелами.

Тут заговорила Таффи:

— М... м... м... Сказать по правде... это я дала ему картинку...

Ей было очень неловко.

— Ты?! — закричало всё тегумайское племя. — Девочка-которую-нужно-хорошенько-от-шлёпать-за-то-что-она-такая-шалунья?! Ты?!

— Таффи, милая! Боюсь, нам с тобой сейчас придётся довольно круто... — проговорил Тегумай и обнял её, отчего она сразу перестала бояться врагов.

— Говори! Говори! Говори! — сказал главный вождь тегумайского племени и запрыгал на одной ноге.

— Я хотела, чтобы Незнакомец принёс сюда папино копье, вот я и нарисовала копье, — пояснила Таффи. — Оно одно, но я нарисовала его три раза, чтобы Незнакомец не позабыл о нём. А если вышло так, будто оно протыкает папину спину, это всё оттого, что кора очень маленькая и на ней не хватает места. А те фигурки, которые мама называет злодеями, это просто мои бобы. Я нарисовала их потому, что нужно же было показать Незнакомцу, что он должен пойти по болоту! И я нарисовала маму у входа в пещеру. Она стоит и улыбается Незнакомцу, потому что он такой милый и добрый. А вы... глупее вас нет на всём свете! Ведь он милый и добрый, зачем же вы измазали ему голову грязью? Вымойте его сию минуту!

После этого все очень долго молчали. Никто не произнёс ни слова. Наконец главный вождь засмеялся. Потом засмеялся Незнакомец (а он был, как ты знаешь, теварец); потом засмеялся Тегумай и так сильно смеялся, что не мог устоять на ногах; потом засмеялось всё тегумайское племя — оно смеялось долго и громко.

Потом главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

— О Девочка-которую-нужно-хорошенько-от-шлёпать-зато-что-ты-такая-шалунья, ты сделала великое открытие!

— Никакого открытия не хотела я сделать, — ответила Таффи. — Я просто хотела, чтобы сюда принесли папино чёрное копье.

— Всё равно! Это — великое открытие, и придёт день, когда люди назовут его умением писать. Покуда вместо писем мы будем посылать друг другу картинки, а в картинках — вы сами видели — не всегда можно разобраться как следует. Иногда выходит самая дикая пута-

ница. Но придёт время, о дитя тегумайского племени, когда мы придумаем буквы и научимся при помощи букв читать и писать — и тогда у нас уже не будет ошибок. И пускай доисторические дамы смоят грязь с головы Незнакомца.

— Вот будет хорошо! — сказала Таффи. — Потому что теперь вы принесли сюда на берег все копья, какие только есть у тегумайского племени, но позабыли принести одно-единственное — чёрное копье моего папы!

Тогда главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

— В следующий раз, когда придёт тебе в голову написать письмо в виде картинки, пошли с этим письмом человека, который умеет говорить по-нашему, и тот человек разъяснит всё, что ты хочешь сказать в письме. А не то ты видишь сама, какие могут выйти неприятности для всего тегумайского племени, да и Незнакомцу придётся иногда нелегко.

После этого тегумайское племя приняло в свою среду Незнакомца (хотя он был настоящий теварец). Племя усыновило его, потому что он оказался большим джентльменом и не скандалил, когда доисторические дамы облепляли всю его голову грязью. Но с того дня и до нынешнего (и, по-моему, это всё из-за Таффи) не много на свете найдётся таких маленьких девочек, которые любят учиться читать и писать. Больше нравится им рисовать картинки и тихонько играть где-нибудь неподалёку от папы — совсем как Таффи.

НАУШНИКИ

Мы с Никитой совершенно разные. Мой папа как-то сказал про нас — «лёд и пламень»; и я обиделся. Потому что понятно же, кто из нас пламень получается. А я, его родной сын, выходит — лёд, что ли!

У нас общего — только замечания в дневнике. Количество. А вот качество разное. Мне пишут одно и то же: «Не слышит учителя!», «Витает в облаках», «На уроке присутствует чисто физически». Это, конечно, физичка написала. А потом географичка у неё собезьянничала и написала — «присутствует чисто географически». Я вот жду такого же остроумия от математика. С них станется — друг у друга списывать изо дня в день одно и то же. У меня иногда чувство возникает, что они через мой дневник друг с другом перемигиваются.

А вот у Никиты! «Принёс в школу живого ужа», «Поджёг библиотечную книгу». Или вот, последнее: «Прилепил мышью жвачкой к потолку. И в процессе объяснения нового материала она упала на учителя!» Мышь, конечно, игрушечная была. Но похожая! Конечно, он думал — кто-то из наших будет у доски отвечать. А Маргарита ходит там, ходит, объясняет, объясняет. А мышь — болтается, болтается...

О, что было!!! К директору, вызывали, конечно.

А директор наш дверь закрыл и там его потихонечку спрашивает — «Кукушкин! Всё прощу. Только объясни — как ты это сделал!» По крайней мере, Никита так потом рассказывал.

Ну вот; а ещё мы ходим в музыкалку. Только я играю на виолончели, а Никита — ударник. Барабаны, значит, и ксилофон. Вот теперь вам, наверное, окончательно всё ясно.

Мы учились в одном классе шесть лет и абсолютно не замечали друг друга. То есть это он не замечал — меня вообще мало кто замечает. А его! Он так устроен — только заходите в класс и сразу видите его. Его светлую растрёпанную голову и какой-нибудь жёлтый свитер. «Кукушкин!» — «Я!», — отвечает он и выходит к доске на руках. И наша новенькая физичка внимательно его слушает и, не моргнув глазом, ставит пятёрку. И спрашивает ещё — «тоже перевернутую ставить?»

А про наш класс так говорят: «7 б — это тот, в котором Никита Кукушкин?»

Так вот, однажды мы с нашим оркестром поехали на гастроли. Настоящие гастроли! В Новгород. На три дня. И нас поселили с ним в один номер. Все как-то договорились заранее — кто с кем будет жить, а я — нет. Мне было всё равно. Потому что у меня никогда не было друга. А у Никиты — наоборот! Миллион друзей. И все подумали, что он будет с кем-то другим. И он тоже остался без соседа.

Ну, нас и поселили вместе. Всё-таки одноклассники.

— С кем ты? — спросила меня Лёлька, она тоже из моего класса, нас трое в оркестре из нашего. — Что?! С Никитосом?! Ну, ты попал!

И я вдруг обиделся. Во-первых — почему это я попал. А во-вторых — за «Никитоса». Потому что мне нравилось слово «Никита». Простое и крепкое. Говоришь — будто орех перекатываешь за щекой: Ни-ки-та. Согласные, как сухие полешки. Как ксилофон. Ему подходит, он ударник. Никита Кукушкин, па-парам, там-тирам. Будто барабан и тарелочка. А у меня вот дурацкое имя. Будто вообще никакого нет.

В общем, Никита взял карточку-ключ от комнаты и пошёл вверх по лестнице. Хорошо ему — палочки бара-

банные в рюкзак, и вперёд! А я тащусь со своей виолончелью... В общем, он первым открыл дверь. И сразу, прямо в кроссовках, рухнул на кровать. И заорал:

— Темницы рухнут, и свобода! Нас! Примет! Радостно! У Входа!!!

— И братья ключ нам отдадут, — пробормотал я.

— Чего? — удивился Никита.

— Ничего — ключ отдай, без него свет не включается!

Никита вскочил с кровати, как-то подпрыгнув спиной, будто пружинка. И спросил:

— Ты откуда это знаешь?

Я почему-то смутился.

— Ну... Не знаю. Стихи. Это все знают, разве нет?

— Слушай, Оська, а ты, похоже, ничего чел!

Оська. Вот оно, моё имя. Мой ужас. Одна согласная — и та никакая. Приходится обязательно добавлять «К». Но тут я как-то забыл, что у меня некрасивое имя.

Никита вставил карточку, и стало светло.

В общем, мы проболтали с ним всю ночь. Его ждали в семи разных местах — играть в карты, травить анекдоты, ходить по гостинице и подсовывать нашим под дверь дурацкие записки. Но опять вышло то же самое — все думали, что он с другими. И за ним даже никто не зашёл.

И хорошо, что не зашли.

Только я сам не понял... Как можно было вот этому человеку. Вот этому лохматому Никите-барабанщику рассказать то, чего я раньше никому не рассказывал. Я вроде бы никогда и не хотел этого, рассказывать; а оказалось — хотел. Очень. Причём всякую ерунду.

Что мы дружили до школы с Лёлькой Погореловой, которая сейчас и не здороваётся со мной никогда. Хотя мы соседи. Что мы с ней копали вместе червяков и

ловили жуков. Теперь, конечно, странно предположить, что длинную Лёльку в вечных уггах с какими-то блестящими штукаами когда-то интересовали червяки.

— Что, прямо в руки брала! — восхищался Никита.

— Ну да... Она первая и брала! И в карманах домой таскала!

— Ух ты... Лёлька, надо же!

Ну и Никита мне рассказал то, что никому никогда не рассказывал. Про ту же самую Лёльку. Я обещал, конечно, что — никому. Ну и вам поэтому тоже не расскажу. Надо же, Лёлька. Вот бы никогда не подумал.

А ещё я показал ему свои стихи. Вот тоже не думал, что кому-то когда-то покажу. И он... В общем, я знал, что он не будет смеяться. Сразу понял. Но он ещё сказал:

— Надо же... А ведь не ужасные стихи. Ты, Оська, похоже, поэт!

Утром мы проспали завтрак. Нас разбудил звонок валторниста Кольки Солнцева: «Вы что! С ума сошли! Выезд на репетицию через пять минут!»

Ну, я ноги в джинсы сунул и мы помчались. А Никита вообще спал не раздеваясь. И я молча думал — что, что теперь будет! Посмеётся он надо мной или нет? Над моими стихами, и вообще... Скажет другим? Нет?...

У автобуса толпа ребят:

— Кукушаныч, садись с нами! Никитос, к нам давай! Ты где вообще тусил вчера?..

А Никита спокойно шлёпнул каждому по ладони и вдруг сказал:

— Не, я вот с Оськой сяду.

Так у меня появился друг.

И я неожиданно оказался с ним везде-везде, со всеми, и с удивлением обнаружил, что мне с людьми как-

то хорошо. А я всегда думал, что мне кроме книжек никто не нужен.

И мне не жаль было даже новой куртки, которую мне прожгли сигаретой. Плевать, конечно, на куртку, но мама потом плакала. Говорила, что я весь пропах дымом. Что вот, дедушка дымил как паровоз и умер молодым. И не верила мне, что я не курил (хотя это правда).

А вот Никите сразу поверила. Я, честно говоря, был уверен: наша дружба — на три дня. Только на эту поездку. Потому что так не бывает: что уж такого во мне интересного, чтобы Никита Кукушкин со мной дружил. Ему вон всех всегда мало. А я... Что уж во мне такого особенного, чтобы ему не надоест. Приедем домой из поездки — и привет.

После гастролей я заболел, конечно. Сразу же. Я вообще очень легко заболеваю, даже с удовольствием. Лежал себе и читал с планшета всё подряд.

А вечером в дверь раздался звонок. И я услышал неожиданное:

— А Оська дома?..

Никто раньше так не спрашивал. Я, вообще-то, далеко живу от школы, семь остановок на троллейбусе.

А Никита приехал.

— Адрес? У Погореловой спросил, конечно! Ты же сказал — вы соседи. Да ну, совсем рядом — десять минут! — и он поставил в угол свои ролики.

А потом пошёл на кухню очаровывать мою маму.

И мама очаровалась.

— Надо же, Оська. Вот не думала, что ты можешь подружиться с таким интересным мальчиком.

Не думала она. Думала, конечно, что её сын — так, аппарат для поглощения борща.

А потом мы с ним устроили группу. Когда он узнал, что у меня гитара есть, и что я немного играю.

— О, камрад! Давай! Забацаем что-нибудь. А, Оська! Перевернём умы. Зажжём с тобой! Чего ты — давай!

И мы дали. Я за неделю научился довольно неплохо на гитаре этой. А Никита, оказалось, играет на клавишах очень прилично. Он раздобыл где-то синтезатор — даром отдали какие-то друзья отца. Жуткий зверь, а не синтезатор. У этого престарелого мастодонта не работало несколько клавиш, но Никита как-то обходился без них. И музыку к нашим песням писал он. Надо же, оказалось, к моим стихам можно музыку. Что из них можно — песни. И что... Что от музыки, Никитиной музыки, они станут не хуже. Даже, может, и лучше.

Мама, конечно, немного переживала, что я забросил виолончель. Но Никита заверил её, что игра на гитаре «очень развивает гармоническое мышление».

К тому же в одной песне мы вставили виолончель. То есть я там бросаю свою гитару, и устраиваю такой виолончельный запил... Самому нравится, я такого на виолончели никогда не играл, и не слышал ни у кого. А Никита там только подыгрывает мне тихонько на тарелочке. Пока на синтезаторной, а потом будет на настоящей. Здорово так — моя виолончель и его тарелочка. Это моя любимая песня, про Лётчика Экзюпери. Я вот долго боялся эти стихи Никите показывать, думал, он смеяться будет. Ну и вообще, не хотелось, чтобы он его трогал, Лётчика моего, музыку там сочинял. Казалось, испортит. А Никита прямо им заболел. И потом прилетел ко мне, и, не снимая куртки — сразу за клавиши. И показал. И оказалось — вообще. Сумасшедше здорово,

не думал, что из моих стихов можно такое сделать, настоящее. Да и соло виолончельное там отличное получилось. В общем, Никита считал, что Лётчик Экзюпери — это самая наша хитовая песня. Бомба, говорил.

А потом произошла и вовсе невозможная вещь.

Я вышел за хлебом, а когда вернулся, услышал на кухне Никитин голос. Мама всё восхищалась, что он, ударник, так здорово на синтезаторе играет.

— Да что вы, в самом деле. Ваш Оська в сто раз талантливее меня. Что там я — просто знаю несколько аккордов. И перебираю их. За полгода можно выучиться. А вот Оська... Вы хоть стихи его видели! Да вы что! Такие стихи — вообще!

И тут он увидел меня. Мои широко раскрытые в ужасе глаза. И он улыбнулся широко и сказал:

— Ой, камрад... Похоже, я тебя заложил... Извини.

Знаете, что в этом невозможного?... Что я на него не обиделся. Вообще. Не могу на него обижаться. То есть... То есть я тогда думал, что не могу.

Есть у нас такой человек — Гиреев. Человек этот... В общем, если честно — я бы хотел, чтобы его вообще не было. Вообще — таких, как он. Особенно когда я увидел, как он Мансура ткнул головой о батарею. «Не стой здесь...», — сказал ему Гиреев. И добавил такое слово, которое я не хочу повторять. В общем, смысл этого слова — что Мансур нерусский. Поэтому нечего ему здесь стоять, где Гирееву пройти надо.

У меня прямо всё внутри опустилось. Холодно стало мне внутри. Потому что человек — вот, нормальный человек, я же нормальный! Должен был... Должен был

что-то сделать. Не знаю, что. Ну... А я в этот момент очень некстати вспомнил, что я, в общем, тоже не вполне русский. И что Гиреев меня выше на голову и толще раза в полтора. И что мне... И что мне руки надо беречь. И на всякий случай — голову ещё.

Поэтому я подождал, пока Гиреев уйдёт, а потом подошёл к Мансуру. Он сидел у батареи и трогал лоб.

— Больно?

— Отстань, — сказал Мансур.

И я отстал. Но теперь всё время, когда я видел Мансура, у меня что-то ухало внутри. Вниз.

А когда я видел Гиреева... В общем, я предпочитал его не видеть.

Но он сам меня нашёл. Я, в общем, тоже был виноват — нарвался. Просто в тот день никто не сделал английский, кроме меня, тема была сложная. А я не знал, что она сложная — у меня мама преподаёт английский в институте, и я не знаю, что там такого непонятного оказалось.

В общем, Гиреев молча забрал мою тетрадь и пошёл что-то оттуда перерисовывать. Я немного посмотрел на крошечную ручку в его огромном кулаке и отполз тихонько в сторону буфета.

А потом вернулся и увидел Никиту. Он стоял спиной, а вокруг него, конечно, толпился народ. И к нему подошёл Гиреев. Я стоял за таким выступом, вроде колонны, и Гиреев меня не увидел.

Он просто подошёл к Никите и ткнул в него моей тетрадкой.

— На, — сказал он. — Жиду своему отдай.

И Никита... И Никита кивнул. Просто кивнул, и всё.

У меня подогнулись колени. И кончился воздух. И я... Пошёл тихонько. Тихонько-тихонько. И дошёл так до самого дома. Семь остановок, безо всякого троллейбуса. Зашёл. Лёг на диван. И перестал думать. Мысли кончились.

А потом в дверь позвонили. И я не открыл. И позвонили ещё раз. И я опять не открыл.

Никита зашёл ещё раз, ближе к вечеру. Мама уже вернулась с работы, и он говорил с ней.

— Что случилось? — спросил он.

Я спрятался на балконе.

— Я не знаю, — растеряно ответила мама и взяла у него мою сумку, — вышел, наверное, куда-то... Только что здесь был...

Я не ходил в школу три дня. А потом пошёл.

— Оськ... Ты что? — спросил меня там Никита. Я не ответил. И получил своё «Присутствует на уроке чисто биологически».

Он, конечно, не видел, что я слышал. Но что... Что он — вот так... ему это — нормально?! Что — жид? Да? И... он хотя бы должен был сказать мне. Что у него теперь — при виде меня ничего там не ухаает? Вниз?

И я не понимаю: ведь он не боится Гиреева. Тогда, с Мансуром... Я рассказал ему. И Никита тихо подошёл к этому недоумку и сказал ему несколько слов. Очень тихо. И Мансура больше никто не трогал.

А я?!

Я подумал, что мне нужно пережить как-то всего один год. Потом, за девятый, сдам экстерном. Всё равно — хоть на трояки. И пойду в музучилище. Там будут новые люди. Таких, как Гиреев, там точно не будет, в музыкальном таких не может быть.

И дружить я там ни с кем не буду. Хватит. Надружился.

Хотя Никита, конечно, ещё зайдёт. Синтезатор-то у меня. А его надо отдавать. Жаль, что не вышло у нас группы. Вот этого по-настоящему жаль. Могло бы выйти дело.

У меня всё крутилась наша песня одна, смешная, про людоеда, который терзался выбором — съесть принцессу или нет. И одному скучно, и кушать хочется. Съел, конечно. Голод не тётка. И не дядька.

Слопал, значит, их высочество,
И рычит от одиночества-а-а...

Здорово это Никита пел, смешно. В этом месте он должен был бросать свой синтезатор и бежать к барабанам. А пока мы дома репетировали, он взял у мамы разные кастрюльки и лупил по донышкам ладонями, не громко, но так здорово, ух!

Рычит, значит, от одиночества. На самом деле всё это ерунда. По-настоящему мне только Лётчика жалко, больше всего. Лётчика моего Экзюпери. Что его не будет, никогда. Песни этой. И соло моего виолончельного тоже не будет.

Просто окно открой
И смотри, смотри —
Видишь, машет тебе рукой
Лётчик Экзюпери,
С неба — машет тебе рукой...
Ты ведь тоже,
Тоже видишь его?..

Не может Никита это петь. Не видит он моего Лётчика. Если он вот так просто может кивнуть Гирееву, и всё. Если ему это нормально, что меня — таким словом. Ну и пусть, и пусть.

Чёрт с ней, с дружбой этой. Жил как-то раньше, и теперь проживу. А вот Лётчика жаль, что не будет.

И в этот раз дверь открыла мама. И я услышал непривычное:

— А Иосиф? Дома?

Иосиф. Как странно. Я подписывал этим именем свои тетради, слышал его от взрослых. А сейчас кажется — услышал первый раз.

— Проходи, Никита, — сказала мама, — тапочки надевай, холодно у нас!

— Спасибо, — отозвался он, — я в школе уже поел...

— Никита, — засмеялась мама, — вытащи, наконец, свои наушники! Никого не слышишь...

И я понял. Вдруг. Сел на пол и чуть не заплакал, как маленький. Всё-таки какой он псих, вечно в своих наушниках. Не слышал он гиреевских слов, просто не слышал. А я устроил трагедию, как дурак.

— Знаешь, Оська, мне всегда казалось — такое дурацкое имя у меня. У всех — нормальные, а у меня — на «а» кончается почему-то. И не сократить никак. Какое-то рабоче-крестьянское. А вот у тебя! Сумасшедшее прямо имя. Иосиф. Библейское. Прямо — чувствуешь связь времён. И-о-сиф. С ума сойти...

ПАРАЛИМПИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ — 2020

Моя история слабовидящего туриста началась более пятнадцати лет назад. Первыми шагами стали водный поход по реке Вуокса в Ленинградской области и горный лыжный в Хибины (Кольский полуостров). Там я и познакомился с интересными людьми, которые вовлекли меня в активную туристскую жизнь и открыли мир приключений и путешествий. Всё это стало толчком для создания нашего клуба «Масштаб плюс», который помогает отважиться на путешествия людям с ограниченными возможностями здоровья.

Побывав на Кольском полуострове зимой, я всегда хотел узнать, как эти удивительные места выглядят летом. Однажды я наткнулся на телепередачу о том, как сотрудники МЧС поднялись на высшую точку Мурманской области, своё восхождение они посвятили Дню Победы в Великой Отечественной войне. И я стал мечтать о походе в Хибины.

В этом году пандемия спутала все карты. Наши планы на этот сезон кардинально изменились. Но, несмотря на это, команда продолжала тренироваться в условиях самоизоляции. Это была интенсивная зарядка дома, силовые упражнения, у кого-то работа на велотренажёре. Когда открыли парки, тренировки переместились туда. Кто был на даче, начал регулярно бегать, повышая выносливость. Также мы использовали мобильные приложения для занятий спортом и избавлялись от набранного веса.

Многие соревнования проходили онлайн, и ребята из нашего клуба в них тоже участвовали. Однако было силь-

ное желание организовать какое-нибудь бюджетное путешествие. И тут всплыла старая мечта о летнем походе в Хибины. Я поделился идеей со своим другом, к тому же инструктором по туризму Леонидом Селивановым. Идея ему понравилась, да и отпуск он планировал как раз в то же время, что и я. Наш общий друг незрячий спортсмен Николай Чернушкин нас с энтузиазмом поддержал, и мы стали готовиться.

Для безопасного прохождения маршрута нам необходимы были помощники. В этом качестве прекрасно подошли наши сыновья Артём Селиванов и Павел Гостев. Так сформировался состав Паралимпийской экспедиции — 2020, которую мы решили посвятить 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Внимательно изучили информацию о маршруте в Интернете, посоветовались со специалистами о трудностях на маршруте. Всё, что необходимо для подготовки экспедиции, Леонид заносил в специальную тетрадь — списки снаряжения, лекарства для аптечки, провиант, расходы, нитку маршрута и прочее и прочее.

Купили билеты до станции Имандра, туда и обратно. Закупили провиант на 10 дней в соответствии с раскладкой — завтрак, обед, ужин, перекус. Для того чтобы снизить общий вес рюкзаков, приобрели сублимированные (засушенные) мясо птицы, говядины, свинины и овощи. Затем подготовили личное и командное снаряжение, а именно: палатки, спальные мешки, тент, коврики, газовые горелки, посуду, аптечку, ремонтный набор, дождевики, гамаши и др. Всё необходимое поместилось в рюкзаки от 80 до 100 литров. Сели в поезд и поехали.

На 1 августа синоптики обещали пасмурную погоду без сильных дождей с температурой воздуха от 12 до 15

градусов. И мы были готовы к разным погодным условиям. Вышли из поезда и оказались сразу в начальной точке маршрута. Светило солнце, было прекрасное настроение. Во время пешеходных и горных походов обязательным инвентарём являются трекинговые палки. Это не только дополнительные точки опоры, но в нашем случае ещё и средство для ориентировки в пространстве.

По хорошей лесной дороге мы прошли 7 км и оказались на уютной стоянке у подножия горы Маннепахк (в переводе с саамского языка — Яичная гора). Разбили лагерь, приготовили ужин. На следующий день встали пораньше, чтобы отправиться в радиальный выход к перевалу Северный Чорргор (высота 985 м). Перевал особенно популярен среди опытных туристов. Для новичков он сложен. Склон у него крутой, а зимой вообще лавиноопасный. Об этом свидетельствовали валяющиеся то тут, то там обломки лыж, кольца от палок, рваные ботинки.

Хотелось изучить этот перевал, но в лайт-варианте. С собой взяли только самое необходимое, оставив на стоянке всё лишнее. Такой выход необходим для того, чтобы понять общий темп группы со всеми особенностями команды. Многолетний практический опыт подтвердил, что для незрячего в команде желательны два помощника, особенно в условиях сильно пересечённой горной местности. Это позволяет повысить безопасность на маршруте и даёт возможность сменять друг друга. Таким образом, происходит плавное втягивание в путешествие. В качестве ведущих Николая стали Леонид и Артём, а мне помогал Павел. У нашей группы была ещё дополнительная задача — собрать коллекцию минералов для музея СПб РО ВОС.

Во время этого выхода погода преподнесла сюрприз: пошёл морозящий дождик, покусывали комары, и открывающаяся красота предстала с ненастным оттенком. Мокрые ветки норовили попасть по лицу, скользкие корни и камни держали в напряжении. От долгой ходьбы по мокрому грунту обувь у некоторых участников начала промокать и натирать замерзающие ноги. Хоть ботинки мы и проверяли до похода, но всё-таки не в таких условиях. Хорошо зарекомендовали себя носки из специального материала Gore-Tex, при мокрой обуви ноги остаются более сухими. Тропинка вела нас сначала по хвойному лесу, затем началась зона тундры из карликовых берёз, их сменили мох и лишайники, а потом остались только камни. Но было удивительно, что среди камней неожиданно попался микроцветочный оазис, в горном ручье змеились разноцветные водоросли, а северные микроорганизмы придавали остаткам снега с зимы розоватый оттенок.

Леонид ориентировался на местности по топографической карте, как выяснилось, достаточно старой и «авторитетной», но без детализации, и мобильному приложению MAPS.ME, которое помогало находить стоянки, некоторые броды и конкретное местонахождение, но не все тропинки, как было в других местах, где я его применял. Так же ориентировались мы по турам — специально сложенным каменным пирамидкам, которые помогают отыскать тропу или понять направление движения.

Через шесть часов после выхода из лагеря мы поднялись к перевалу Северный Чорргор и начали по нему продвигаться. Он встретил нас совсем недружелюбно. Поднялся штормовой ветер. Дождь начал переходить в почти снег. Стало холодно. Идти по перевалу пришлось свободным лазаньем. Камни в Хибинах обладают мик-

роострыми вкраплениями. Они могут поранить руки. В такие моменты нужно иметь перчатки, и они у нас были. Градус опасности повышался, особенно для Николая. Поэтому мы оставили его в безветренном месте, чтобы оперативно добраться до места, откуда открывается вид на базу КСС. Но погода становилась всё хуже и хуже. Сколько оставалось пройти, было не ясно. Леонид принял решение вернуться вниз и найти удобное место для стоянки, сварить суп и восстановить силы. Через пять (!!!) часов, промокшие и счастливые, мы вернулись в лагерь. На стоянке уже находились туристы, которые имели меньше опыта и смогли преодолеть лишь одну треть нашего маршрута.

Следующий день подарил нам солнечную и тёплую погоду. Это помогло восстановить силы и высушить вещи. В два часа мы вышли на маршрут к следующему красивому перевалу Южный Чорргор (высота 850 м). Переводится название как «Норное ущелье». Это направление мы выбрали не случайно. Именно этот маршрут ведёт к горе Юдычвумчорр — высшей точке европейского Заполярья России. Её высота составляет 1200 метров. В переводе с саамского название вершины означает «Гудящая гора».

Спустившись со склона Маннепахк к реке Гольцовка, сменили обувь на кроксы и трекинговые сандалии для перехода её вброд. Вода ледяная, подводные камни скользкие. Передвигаться нужно быстро, но в то же время осторожно. Тропа была широкая, натоптанная, поэтому скорость передвижения была высокая (4 км/час). Однако поиски следующего брода отняли много времени. И когда мы снова пересекли реку, то было уже 19 часов. Достали горелочку, сварили заготовленный борщ,

поели, немного отдохнули и в полночь подошли к подножию перевала. Эта стоянка поразила своей особой, неповторимой атмосферой. Здесь находятся два горных озера, в них зеркально отражается сам перевал, тишина и эхо в условиях белых ночей особенно романтичны. Пока ставили лагерь, стало светать. Космическое звучание в таком «концертном зале» приобрела губная гармошка. Это Николай импровизировал мелодии под влиянием нереального окружающего мира.

В полдень отправились на штурм Южного Чорргора. Мои воспоминания о том, как преодолевался этот перевал зимой на лыжах, сильно отличаются от того, что происходило летом. Помню, что когда я долго шёл вверх с другой стороны перевала, я сильно устал. Спустился же я в том месте, где мы сейчас наметили подъём, очень быстро. Поэтому возникло обманчивое впечатление о том, что перевал простой. Преодоление хаотично нагромождённых гигантских, больших и малых камней трудоёмко, особенно для незрячих путешественников. В 2007 году на Восточном Эльбрусе я испытал отчаяние, оказавшись в подобной ситуации. Так же было трудно и на Казбеке в 2011-м. Для безопасности Леонид брал у Николая рюкзак, заносил его вверх, параллельно, как разведчик, отыскивал «приличную тропу». Затем возвращался, нёс свой рюкзак, и мы поднимались всей командой. Челночный темп подъёма медленный, зато малорискованный.

На перевале летом много снега. Чтобы снег не попал в ботинки, помогают гамаши. Для психологической разрядки даже в снежки поиграли. На вершине сняли записку и оставили свою. Сделали фото. В спортивном туризме есть особая процедура отчёта о прохождении маршрута. Сначала состав и опыт группы, путь и другие

важные моменты согласуются с Маршрутно-квалификационной комиссией (МКК). Затем для подтверждения пройденного маршрута участники предоставляют записки, найденные на перевалах и вершинах, и фотоматериал. В итоге подтверждается категория заявленной сложности и присваивается спортивный разряд.

Вниз с перевала шли траверсом по длинному снежнику. Скорость движения возросла. Главное на спуске не расслабляться, чтобы не поскользнуться и не покачаться вниз. А если вдруг это произойдёт, то надо затормозить с помощью палок. Вообще, как показывает многолетний опыт, двигаться по снегу или льду в «кошках» спортсменам с нарушением зрения легче, чем по камням. Однородность естественного покрытия более понятна на ощупь ногами. Меньше напряжения, меньше утомление, результат — скорость преодоления может быть выше. Спускаясь к озеру, отработали технику прохождения по осыпным склонам. На озере перекусили и отправились дальше. Однако как на карте, так и в мобильном приложении тропинок не было. А по факту они еле заметные, но были. В тундре всё хрупко, восстанавливается природа очень медленно. Прошёл сто лет назад человек, оставил следы, на следующий год ещё кто-то прошёл, потом группа туристов прошла — вот и тропинка появилась. Пробравшись через лесные заросли, вышли к броду через реку Часнайок, означает «Дятловая река». MAPS.ME обозначил стоянку. Время окончательной остановки — 22.50. Поздновато.

В четверг, как и обещали синоптики, пошёл дождь. Только он стих, мы отправились к перевалу Восточный Петрелиуса (назван в честь Альфреда Петрелиуса, финского астронома и геодезиста, участника экспедиций на

Кольский полуостров). Когда мы консультировались по поводу прохождения тех или иных маршрутов, нам говорили, что всё легко проходимо и не составляет больших трудностей. И что все запланированные восхождения и переходы не имеют категоричности. Никто не учитывал при этом особенностей некоторых участников нашей экспедиции.

Выбрали самый простой путь, чтобы оказаться в долине реки Малая Белая. Пройти через неё и оказаться у более пологих склонов горы Юдычвумчорр. С Западным перевалом Петрелиуса и с перевалом Арсеньева — а это уже сложные категоричные перевалы — не стали рисковать и отправились через знакомый по лыжному походу перевал. Перейдя через несколько ручейков, стремящихся слиться с рекой, вышли из леса. А тут новая атмосферная преграда. Облака спускаются с гор и заволакивают всё вокруг. В таких обстоятельствах умение читать карту и ориентироваться на местности приобретают особую актуальность. Леонид настоящий профессионал. Хоть и трудно подниматься, но уверенность, что ты идёшь в нужном направлении, помогает сохранять спокойствие. Снова осыпи, снежники. Холодает. А на самом перевале природа делает нам подарок: подул ветер и унёс тучу. Появилось солнце, а с ним и радостнее как-то. Вид на долину очень живописный. А вот зимой здесь лавиноопасный склон. Где это он? Так вот, когда начали спускаться по крутым скалам и сыпухам вниз, сразу всё стало понятно. Случайно палка улетела вниз, и достать её трудно. Леонид скрепил скотчем оставшиеся палки и смастерил семиметровую удочку. «Подсёк» ускользнувшую рыбку, и она вернулась к своему обладателю. Далее сценарий тот же — спокойный и длительный спуск. Обеденный

антракт. Марш-бросок по долине. Ставим лагерь в одиннадцатый вечера. Отбой где-то за полночь.

И вот накануне Всероссийского дня физкультурника и Международного дня альпинизма центральное событие нашей Паралимпийской экспедиции — восхождение на высшую точку Кольского полуострова — гору Юдычвумчорр. Позавтракали, подготовили необходимое снаряжение, оставили бивуак и отправились к заветной вершине. Для усиления значимости этого исторического мероприятия были прикреплены георгиевские ленты, в память о Великой Победе. Сначала спустились ниже по долине. Через час повернули в лес и начали маневрировать между деревьями, поднимаясь вверх. Склон пологий и мшистый. Потом выступили достаточно крутые скалы, поэтому начали траверсировать. Когда поднялись визуальнo выше окружающих гор, склон постепенно становился чуть более пологим. Появились массивные каменистые плиты, гигантские ступени, местами каменно-песчаные поля, как результат многомиллионного воздействия воды и ветра на эти древнейшие горы. Облака закрыли панораму, и вот по такому околотунному пейзажу мы шли несколько километров к нашей общей мечте. В этом редко посещаемом людьми месте встретили пару влюблённых романтиков, с которыми обменялись впечатлениями и эмоциями. Ребята не рассчитали длительность нахождения на горе, поэтому запасы воды у них кончились. Мы их выручили.

Холодало. Минуя несколько пропастей, подошли к огромному валуну, на котором закреплена памятная табличка, посвящённая туристам из Кировска. А ещё через сто метров и сама вершина, представляющая собой пирамиду из камней. Здесь на память люди оставляют разные предметы. Так в герметичной коробке находится

самая высокогорная библиотека, состоящая из нескольких книг. В журнале посещений мы оставили запись о восхождении клуба «Масштаб плюс». Украсили вершину георгиевской лентой и расправили красный флаг.

Спуск подчас бывает тяжелее, чем подъём. По плато сначала шли неплохо. А когда пошёл дождь и всё стало мокрым, идти стало опаснее, шли с большим напряжением. Накопившаяся усталость давала себя знать. Спускались по более безопасному пологому склону, по «любимым» сыпухам, камням и скользкому мху в окружении пикирующих комаров. Смеркалось. Сколько до окончания склона — неясно. Где дорога? Тревога нарастала. Пытаемся увеличить скорость движения — это приводит к падению Николая. Да, лучше медленно, но верно и без травм. Ух! Вот и тропа! Время наше детское — 22.00. Финальный рывок, трейлраннинг по бездорожью, и через час мы в лагере. Свершилось! Мы сделали это!

Как в той песенке поётся: «Как мне нравится, когда мы возвращаемся назад!»

Утром, преисполненные благодатью, по знакомой тропе возвращаемся к перевалу Рамзай. Перевал назван в честь Вильгельма Рамзая (1865 — 1928), финского и российского геолога. Перевал красивый, один из самых популярных в Хибинах. Тропинка идёт сначала по камням, иногда приходится балансировать на трёх точках опоры. Затем свободное лазание вдоль склона. А когда ты оказываешься на снежнике, становится легче. Тем более что мы наконец почувствовали отличительную особенность Хибин, которую я нигде не встречал. На снежнике приятно пахнет арбузами. И вот идёшь как будто по мороженому. Очень яркие впечатления.

По краям ущелья рождаются ручейки, которые ниже становятся полноводной рекой. А ты идёшь по снегу, а

ручей течёт под ногами — под снегом. На таком природном мосту главное не терять бдительность. Вдруг вода снизу растопила снег. Шагнул неверно и провалился неизвестно как глубоко. Потому и идут все след в след — мало ли чего. Снег кончается, тропа вроде бы как Невский проспект широкая. Радостно! А через некоторое время опять тропа становится уже, идёт по краю обрыва, внизу бурная река. Снова ветки бьют по лицу, корни под ногами. Вот уж и болотная жижа. Значит, рано расслабились. Вечереет. А тут вообще тропа в гору по бурелому пошла. На земле синие следы, потом выяснилось, что это ягода костяника обладает таким свойством. Да когда же это всё закончится?! Поднялись, стоянка, передохнули, а через 100 метров настоящая грунтовая дорога. Вот счастье-то какое! Спускаемся к озеру Малый Вудъявр. В переводе с саамского языка — «Горное озеро». Цивилизация. Хотя не сказать чтоб ура, так как выходные, на озере шумно, на гитаре играют, там магнитофон орёт, здесь песни поют. Люди на моторке рыбу ловят, в карьере руду добывают, самосвалы гудят.

Завтра в Питер. Настроение приподнятое, можно сказать чемоданное. Устали. Но впечатлений на весь год хватит.

Для незрячего Николая Чернушкина это была первая экспедиция:

«Ещё месяц назад я с большим трудом представлял себе, где точно находятся Хибины. Знал, что есть такие горы, и люди туда ходят, чаще весной на лыжах, но и пешком тоже.

Теперь знаю — это Кольский полуостров, Мурманская область, европейский Север нашей необъятной страны».

УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ

Лариса Шевцова

УРОК 38

ВЕРЕСК

Дорогие друзья, сегодня мы сплетём очень красивый цветок — вереск.

Соцветие вереска похоже на метёлочку, расширяющуюся книзу. Его вершина зелёная, чуть ниже появляются крошечные розоватые бутончики, потом цветочки, а внизу снова зелёные листочки. Точную копию цветка мы делать не будем, потому что цветочки настолько малы, что выполнить их из бисера невозможно, но с помощью формы соцветия мы добьёмся внешнего сходства с соцветием вереска.

При плетении вереска мы используем технику петельного плетения, а именно одинарную петлю.

В некоторых мастер-классах, выложенных в Интернете, используется техника непрерывных одинарных петель, но именно в этом случае она для нас не подходит, потому что требует очень хорошего остатка зрения. Мы же будем накладывать бисер для каждой конкретной петли отдельно, но работать придётся сразу на четырёх концах проволоки.

Для работы нам понадобятся:

бисер зелёного цвета №10;
бисер розового цвета №10;
проволока зелёного цвета диаметром 0,5 мм;
флористическая лента или нитки мулине под цвет
зелёного бисера;
гипс и горшочек для установки готовой работы.

При плетении вереска нежелательно заменять зелёную проволоку на медную или серебристую, потому что мы не будем оплетать сам стебель. Флористическая лента нам понадобится только когда мы будем подплетать к нижней части стебля зелёные веточки. И более тонкую проволоку тоже нежелательно использовать, потому что цветок получается довольно тяжёлым, а значит, при использовании более тонкой проволоки он будет сгибаться под своей тяжестью.

Если всё же у вас нет проволоки нужной толщины, а цветок сплести очень хочется, то по мере плетения придётся подставлять дополнительные отрезки проволоки для укрепления стебля.

Что касается цвета зелёного бисера, то можно использовать как один цвет, так и два (в этом случае серединку каждой петли можно выполнить бисером другого цвета). Точно так же можно поступить и с бисером розового цвета. Главное, чтобы оттенки бисера гармонировали друг с другом и фактура самого бисера совпадала.

А теперь приступим к работе.

Соцветие вереска

Шаг 1. Отрежем два отрезка проволоки по 1,2 — 1,5 м.

Шаг 2. На любой из этих отрезков нанижем 7 зелёных бисерин, сдвинем их на середину проволоки и сделаем петлю, подкрутив концы проволоки на 5 — 6 оборотов.

Шаг 3. Сделаем то же самое на другом отрезке проволоки.

Шаг 4. Наложим оба отрезка проволоки один на другой так, чтобы петля лежала на петле, а концы обоих отрезков были разведены в стороны и тоже лежали попарно.

Шаг 5. Теперь аккуратно скрутим оба отрезка проволоки между собой на 3 — 4 оборота. Это удобно делать, если петли у нас находятся в левой руке, а правой мы скручиваем концы проволоки.

Я уже много раз писала, что если концы проволоки разведены в стороны, то при их скручивании сама скрутка получается плотной и красивой.

Шаг 6. Теперь берём работу так, чтобы скрученные петли находились внизу, а концы проволоки торчали в разные стороны. Сначала на одной, а затем на другой паре концов проволоки выполним по петле из 7 зелёных бисерин. Концы проволоки, разделённые попарно, удобно скручивать и удобно использовать при плетении — меньше будем путаться. Я делаю какую-нибудь метку на той паре концов проволоки, которую пока не использую, а если запутываюсь в двух концах (а такое тоже бывает), то выбираю нужный, сравнивая их по длине (тот, на котором ещё не делалась петля, будет длиннее).

Шаг 7. После того, как мы сплели все четыре петли, снова разделяем концы попарно и туго подкручиваем их на 3 — 4 оборота. Выполненные петли расправляем, формируя четырёхлистный цветочек, затем сгибаем их кверху к двум первым петлям, располагая по кругу.

Шаг 8. Выполняем следующий ярус петель. В каждой петле будет уже 9 бисерин. Снова скручиваем концы проволоки на 3 — 4 оборота, снова расправляем петли и подгибаем их к предыдущему ярусу.

Теперь мы знаем, что делать после каждого сплетённого яруса, поэтому я дальше буду давать только количество бисера в каждом ярусе и сочетание цветов.

Шаг 9. Четыре петли из зелёного бисера по 11 бисерин в каждой.

Шаг 10. Начинаем добавлять розовый бисер. В следующем ярусе также 11 бисерин (4 зелёные бисерины, 3 розовые и ещё 4 зелёные).

Шаг 11. Четыре петли по 13 бисерин (4 зелёные бисерины, 5 розовых и ещё 4 зелёные).

Шаг 12. Четыре петли по 15 бисерин (4 зелёные бисерины, 7 розовых и ещё 4 зелёные).

Шаг 13. Четыре петли по 17 бисерин (4 зелёные бисерины, 9 розовых и ещё 4 зелёные).

Шаг 14. Четыре петли по 19 бисерин (4 зелёные бисерины, 11 розовых и ещё 4 зелёные).

Далее выполняем три яруса по четыре петли, прибавляя в каждом ярусе по две бисерины в каждой петле. У нас получатся ярусы с петлями, состоящими из 21, 23 и 25 розовых бисерин.

Последние два яруса выполним из зелёного бисера, теперь уже сокращая его количество в петлях. В предпоследнем ярусе нанижем по 23 зелёные бисерины, а в последнем — по 21.

Длину проволоки для каждого соцветия рассчитать достаточно сложно, потому что она зависит и от размера бисера, и от того, как мы скручиваем концы. Поэтому, как только концы проволоки будут равны примерно сантиметрам 15, мы берём ещё два отрезка проволоки по 60 см, сгибаем их пополам и заводим между петлями предыдущего яруса и только после этого подкручиваем уже 8 концов на 4 — 5 оборотов. Плетение продолжаем на добав-

ленных отрезках проволоки. Если концы добавленных отрезков сравняются с начальными, то выбираем более длинные концы для плетения очередного яруса.

При формировании соцветия более длинные петли не просто сгибаем кверху, но и отгибаем серединку петли немного в сторону так, чтобы соцветие расширялось. Но отгибать мы будем слегка, чтобы не обнажать наш стебель. И петли ярусов располагать нужно в шахматном порядке относительно предыдущего яруса.

Букет можно собрать из 5 — 7 таких соцветий. А чтобы низ букета выглядел пышно, сплетём к каждому соцветию по 3 — 4 зелёных веточки.

Зелёная веточка

Шаг 1. Возьмём отрезок проволоки длиной 60 см, нанижем на его середину 11 зелёных бисерин и подкрутим концы проволоки на 10 оборотов.

Шаг 2. Разведём концы проволоки в стороны и на одном из них выполним петлю, состоящую также из 11 бисерин. Подкрутить нам нужно её всего на 3 — 4 оборота, поэтому перед скруткой отодвинем бисер буквально на 2 — 3 мм.

Шаг 3. Скрутим концы проволоки между собой на 4 — 5 оборотов. На более длинном конце выполним ещё одну петлю, состоящую из 11 бисерин, и так же подкрутим проволоку на 3 — 4 оборота. Эту петлю располагаем с другой стороны.

Шаг 4. Продолжаем выполнять петли то с одной, то с другой стороны. Всего делаем пять пар петель, а в веточке получится 11 петель.

Можно сделать и большее, и меньшее количество петель, всё зависит от нашего желания.

Эти веточки можно подплести сразу к каждому цветку, обмотав стебель флористической лентой или нитками мулине. А можно подплетать по мере формирования букета.

Казалось бы, в этой работе нет ничего сложного, но она требует навыка в скручивании петель, да и работать на четырёх концах достаточно сложно, Но когда-то же надо начинать!

При формировании петель бисер постоянно стремится убежать, следите, чтобы он не оставался вне петли.

Цветок вереска получается достаточно пышным, но и очень нежным.

Букет в вазу или горшочек устанавливаем обычным способом — с помощью гипса.

Дорогие друзья, по-прежнему жду от вас вопросы, предложения и фото ваших работ.

Ваша Лариса Андреевна

ПРАКТИКУМ ЭСПЕРАНТИСТА

Sergej Jesenin

1895 — 1925

* * *

Ho, Rusujo, ter' intima,
Domoj — ora ikonar'!..
Suxas via blu' senlima
la okulojn per amar'.
Jen tra viaj vastoj kampaj
Pie mi rigardas for,
Dum la poploj, jam velkantaj,
Kupron wutas kun sonor'.
Miel-pome bon-odoras
Fru-aytuna via klar'.
Gaje xe l' arbar' sonoras
Dancoj de la junular'.
Al la herba verdo mola
Lay la pado kuru mi,
Kaj knabina rid' petola
Min plenigu per ebri'.
Se ekkrios garda Dio:
«Iru vivi en eden'!»
«For edenon!— vorto mia.
— Donu la patrujon mem!»

(Tradukis Konstantin Gusev)

* * *

Lulkantas vintro bona
Per kanto monotona
De arba krak-sonor'.
Kaj nuboj senkuraqas,
Sopire preternaqas
En landon iun for.
Neqblovo vent-impetas,
Tapiwon silkan metas,
Sed tre malvarmas qi.
Paseroj amuzemaj
Sin premas orfaj, tremaj
Xe vintro kun glaci'.
Frostiqas birdoj xarmaj,
Malsataj kaj malvarmaj,
Kaj lacaj, sen ripoz'.
Kaj neqa wtormo bruas,
Frapante xion skuas
Kun forta furioz'.
Birdetoj mildaj dormas,
Dum neqo kirle wtormas,
Rabias kun obstin'.
En sonq' al ili venas
Kaj kun ridet' serenas
Printempo-belulin'.

(Tradukis Sergej Rubljov)

BETULO

La betulo blanka
Trans fenestra bret'

Kovris sin per neqo,
Kiel per arqent'.
Kuwass neq' bordere
Sur lanuga branx',
Pendass la panikloj,
Kiel blanka franq'.
Staras la betulo,
Dormas en trankvil',
Fajras la neqeroj
Per oreca bril'.
Leviqanta lante
Sorxistin' ayror'
Ree kovras branxojn
Per arqent-pulvor'.

(Tradukis Ludmila Novikova)

* * *

Mi en valo iras. Sur la nuko kepo.
Ganto el glaceo sur la bruna man'.
Malproksime brilas roz-kolora stepo,
Al rivero blua — vasta panoram'.
Mi — senzorga knabo. Kion mi bezonas!
Frewan vento-blovon mi deziras nur,
Ke resonu koro, kiam kantoj sonas,
Kaj ke ne kurbiqu frue la statur'.
Xe dekliv' xe-voja
Haltas mi dum iro,-
Viroj kaj virinoj svarmas xe labor'.
Flustras la rastiloj,
Fajfas la falxiloj:

«Hej, poet',

Xu flugis via forto for?
Belas nia tero. Kial alten naqi?
Kaj se logas valo, logu ankay pen'!
Vi kampar-devena Kreskis en vilaqo.
Svingu do falxilon

Fajre kaj sen qen'!»

A], falxil' — ne plumo,

Nek falxil'— plumingo,

Tamen vers-liniojn faras ex falxil'.

Dum sun-bril' ay nuboj

Qin nur forte svingu.

Ilin oni legos xiam kun admir'.

For kostumon anglan,

Qin diablo prenu,

Donu nur falxilon, montros mi al vi-

Xu al la kamparo mi ne apartenas,

Xu vilaqon ame ne memoras mi?

Ter-altawoj, kavoj min neniam qenas.

Kia qoj' post-lasi falxe en la val'

Vers-liniojn herbajn

Dum somer-mateno,

Por ke ilin legu wafo kaj xeval'.

En linioj tiuj poezi' sin trovas.

Kaj elkoran qojon

Sentas la falxant',

Xar bovino xiu legi ilin povas

Kaj per varma lakto

Pagas por la kant'.

(Tradukis Hilda Dresen)

* * *

Xio estos qis morgay en ord',
Markas xiam aparta noteto
Xion vivan delonge en mond'.
Se ne estus mi nun poeto,
Do verwajne wtelist' ay fripon'.
Mal-altulo kun korpo sen graso,
Inter knaboj xiam hero',
Ofte kun dis-batita nazo
Mi revenis al patra dom'
Kaj al panj' timigita deklaris
Rayke tra la sanganta mien':
«Bagatel'! Mi pro wtono ekfalis,
Resaniqos ja qis la maten'».
Kiam nun jam fridiqis for, do,
la bolanta aspir' al batal',
la impeta, aydaca kre-forto
Sin verwadas al la poemar'.
Qi — da vortoj la ora amaso,
Kaj en xiu linio sen fin'
Speguliqas estinta aydaco
De la bub' batal-preta sen tim'.
Kiel tiam, fiere, kuraqe
Wprucas pawo lay nova kutim'...
Se min oni batadis vizaqen,-
Nun en sango la tuta anim'.
Kaj nun jam ne al panj' mi ripetis,
Sed al fremda rikana fi-hord':
«Bagatel'!

Kontray wton' mi stumbletis,
Xio estos qis morgay en ord'!»

(Tradukis Nikolaj Fedotov)

Per tranxilo finna vundis min.
Ho, vi trankviliqu, mia bona!
Estas nur deliro via tim'.
Ja ne estas tia mi fripono,
Ke mi mortu, ne vidante vin.
Mi ja restis same amo-plena,
Revas nur pri tio en sekret',
Ke reveni igu la xagreno
Balday min al nia kabanet'.
Mi revenos, kiam en qardeno
Blanke arboj floros en printemp'.
Sed ne veku min en fru-mateno,
kiel iam, dum aytuna temp'.
Vi ne veku miajn disreviqojn,
Lasu xion, kio pasis for, —
En jun-aqo xian malfelixon
Devas sperti mia laca kor'.
Ankay preqi ne instruu vane.
Al malnov' ne rekondukos voj'.
Vi nur helpos min per via amo,
vi nur estas mia sola qoj'.
Do, forgesu vian maltrankvilon,
Tro ne suferadu via kor'.
En paltet' malnova vi ne iru
Sur la vojon en vespera hor'.

(Esperantigis Hilda Dresen)

* * *

Ho, acer' tremanta, ho, acero nuda,
Kiel staras kline vi en vento kruda?

Ne sonoras cigna kol' de spik'.
Tial xe la ar' de forpasantoj
Spertas mi tremadon de panik'.
Scias mi — ne estos tie pomoj,
Nek gren-kamp', oranta en malhel'.
Tial karas por mi xiuj homoj,
Kiu vivas pace sub xiel'.

(Tradukis Ludmila Novikova)